

Курляндский бес

Автор:

[Дарья Плещеева](#)

Курляндский бес

Дарья Плещеева

Исторические приключения (Вече)

1656 год. Не успела закончиться Тридцатилетняя война, как началась новая – «все против всех». Россия вводит войска на территорию Польши и одновременно сражается со Швецией. Курфюрст Бранденбургский, вассал польской короны, норовит перейти под покровительство шведского короля Карла и настаивает, чтобы так же поступил его родственник, герцог Курляндии Якоб Кеттлер. Но Кеттлер ведет переговоры о подданстве с Россией.

Кардинал Франции Мазарини посылает в Курляндию двух разведчиц, переодетых монахинями-бегинками. Их задача – увлечь герцога Якоба и передать ему тайное послание кардинала. А царь Алексей Михайлович отправляет к герцогу делегацию, в том числе дьяка Посольского приказа Арсения Шумилова, с заданием: подготовить переговоры об аренде курляндских морских портов...

Дарья Плещеева

Курляндский бес

© Плещеева Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава первая

В маленькой келье Лирского бегинача две молодые женщины играли в шахматы. Комната была так тесна, что они сидели на постелях, а доску положили на табурет, которого обе касались коленями.

Был ранний вечер, еще не то время, чтобы готовиться ко сну, однако женщины сидели в простых белых рубахах, стянутых у горла шнурком, с самой скромной оборочкой, и под этими рубахами фламандского полотна, разумеется, ничего не было. Босые ноги женщин стояли на прохладном плиточном полу, рядом с бархатными комнатными туфлями. Наслаждение свободой – свободой от тяжелых платьев с многослойными юбками, от стянутых корсажей, от тягостной обязанности обнажать и пудрить грудь, от узких туфель, от сложных причесок, от румян и белил – царило в келье, однако наслаждение было временным – женщины знали это и старались успеть побольше, дать душе и телу отдых впрок, поскольку неизвестно, когда и как завершится блаженство.

Одна из них была увлечена игрой и сердилась, что подруга невнимательна. Другая больше беспокоилась о своих распущенных влажных волосах, то и дело трогала их, взбивала, накручивала на палец.

– Я так не могу, – сказала любительница шахмат. – Вот же мой конь и ладья угрожают твоему королю, а ты куда смотришь?

– В окошко, милая.

Обе говорили по-французски.

– И что там хорошего, в окошке? Что такого, чего ты еще не разглядела за эти два месяца? Шах и мат!

– Поздравляю, Дениза.

– У нас тут одно развлечение – шахматы, а ты и им пренебрегаешь, – сердито упрекнула Дениза.

– Нет, отчего же? А музыка? Слышишь – и сейчас... я, кажется, помню этот мотет...

Струнные аккорды и пение доносились с канала. А запах цветущего шиповника – прямо из-под окна, где рос огромный куст, весь покрытый пышными цветами. Некоторые уже стали вянуть, но они, кажется, давали самый сильный аромат.

Дениза встала, затворила окно и даже задернула простые полотняные занавески.

– Зачем ты это сделала? – спросила ее подруга. – Думаешь, мне опасно глядеть на белый шиповник? За кого ты меня принимаешь, Дениза?

– Задай этот вопрос кому-нибудь другому, Анриэтта...

И точно – эти женщины достаточно знали друг друга, их дружбе исполнилось одиннадцать лет, и обе прекрасно помнили, как дружба началась, только совершенно не желали воскрешать в памяти прекрасный летний день. Это было бы слишком грустное воспоминание.

Дениза собрала шахматы в мешочек, а доску положила на подоконник.

– Хочешь, я схожу на кухню за ужином? – спросила она.

– Еще рано.

– Ничуть не рано, солнце уже за липой... как странно, Анриэтта, иметь часы и определять время по солнцу и колокольному звону!

– Мы попали туда, где минуты не имеют значения, да и часы, наверно, тоже. Это особенность маленьких городков – спешить некуда... Удивительно, что в Лире выстроили такой огромный бегинож. Откуда бы тут взялось столько бегинок?

– Может, земля была дешевая? Дешевле, чем в Антверпене? Антверпенский бегинач – в сущности, один сад за стеной, а в нем домики, а тут – город в городе. И ведь недалеко. Я думаю, пять лье.

– Город старух...

– Но тут нас никто не додумался искать. Два месяца! Сиди, не вставай.

– Должна же я когда-то начать ходить. Я уже почти не хромаю...

– А по лестнице еле всползаешь.

– Нет, наверх – еще ничего, трудно спускаться вниз. Слово кто-то дергает за веревку, натянутую внутри колена. Как ты думаешь, не случится беды, если мы съездим в Антверпен к доктору?

– Не знаю. Как ты собираешься объяснять чужому человеку пулю в своем колене? И можешь ли быть уверена в его молчании? Нам лучше бы добраться до Брюсселя, до господина Сент-Амана.

– А сколько лье до Брюсселя?

Дениза опустила глаза. Карта всей Европы хранилась у нее в голове – со множеством цифр и любопытных подробностей. Да и неудивительно – где только они не побывали вместе, эти связанные нерушимой дружбой ровесницы: худощавая, темноволосая Дениза, с сухим умным и смуглым лицом монахини-испанки, принявшей постриг по доброй воле, и пышная рыжеволосая красавица Анриэтта. Им было сейчас по двадцать семь – не юность, а вполне подходящий возраст для замужества, одна беда – Дениза уже была замужем, хотя супруга не видела очень давно, а ее подруга поклялась, что никогда и ни с кем не повенчается. На то имелись особые причины.

Анриэтта растирала правое колено, заглаживая пальцами шрам, как будто он от этого мог исчезнуть, и думала о том, что два месяца отдыха могут кончиться внезапно: ночной стук в окошко, письмо из Парижа, быстрые сборы, тряские неудобные экипажи, при необходимости – мужской костюм, а необходимость такая возникает довольно часто. Этот костюм более к лицу Денизе – она похожа

на молодого человека из почтенного фламандского семейства, по меньшей мере в трех поколениях роднившегося с испанцами, которому обстоятельства помешали стать аббатом. Анриэтта чересчур пышна, ее лицо не по-мужски округло, однако в минуту, когда нужно вытаскивать из ножен клинок или же браться за пистолет, она действует быстрее и решительнее.

Всего два месяца отдыха... два скучных месяца, но и скука иногда бывает блаженством...

– Наверно, двенадцать лье или около того, – сказала Дениза. – Но от Лира, кажется, меньше. Лир – не совсем на брюссельской дороге, а в стороне. Давай рискнем. Об этом никто не узнает. Ночь пути туда, день у Сент-Амана, ночь пути обратно...

– Верхом?

– Я знаю, где достать лошадей и охрану.

– Я не выдержу – ночь в седле не для моего колена.

– Я попробую завтра узнать – может, туда собрался кто-то из местных жителей. Повернись...

Дениза взяла гребень и стала медленно расчесывать подсохшие волосы подруги. Это был ритуал – они каждый день дважды причесывали друг дружку, с утра и на ночь, только не закручивали мелких кудряшек на висках – в приюте бегинок красоваться было не перед нем.

– Хочу в Брюссель... – тихо сказала Анриэтта. – Я больше не могу сидеть в Лире. Эти двенадцать лье кажутся мне сейчас тысячей.

Станным образом Брюссель сам приблизился к ней, хотя она об этом еще не знала. Пока Дениза плела косу Анриэтте, в Лир въехал молодой человек на рыжем коне, который направлялся как раз ко двору бегинок, чтобы передать письмо, – других дел у него в этом городе не было. Разве что посмотреть сам город, о котором он слышал немало хорошего. Молодого человека сопровождал слуга почтенных лет на крепком соловом мерине.

Одеты они были почти одинаково – оба в черных широкополых шляпах без перьев, оба в плащах, сшитых на военный лад, что неудивительно: не так уж давно завершилась Тридцатилетняя война, которая до такой степени ввела в моду все солдатское, что и дамы высшего света стали носить мужские фетровые шляпы и колеты с разрезными рукавами, более всего похожие на мундиры. Коричневый плащ а-ля казак, принадлежавший молодому человеку, имел несметное количество пуговиц, около сотни, чтобы на разный лад соединять между собой его четыре лопасти; сейчас боковые, прикрывавшие рукава черного колета, были пристегнуты к спинке, как полагается всаднику в дороге. Бурый плащ слуги пуговиц имел поменьше, не каждой петле соответствовала пуговичка, да и галун с него был спорот. К тому же молодой человек носил высокие и узкие сапоги, явно вывезенные из Испании, а слуга – башмаки и кожаные гетры.

Когда они ехали по Желудевой улице к Воротам узников – старинным воротам, сохранившимся в городе лишь потому, что над ними, под ними и по обе стороны от них была маленькая тюрьма, – издали, с канала, донеслась музыка. Молодой человек улыбнулся – это было хорошим завершением путешествия. И две девушки, что шли ему навстречу с корзинками, две молоденькие кружевницы, спешившие из мастерской к ужину, невольно улыбнулись в ответ. Но он их не заметил – он уже ехал к воде, он уже гнался за мелодией. Слуга остался у ворот.

Канал заменял местным жителям променад – у многих, кто жил по его берегам, были свои маленькие пристани, свои лодки, а у прочих – просто каменные ступени к воде, на которых хозяин дома частенько усаживался с удочкой. Сейчас, вечером, к мосту медленно плыли две лодки, одна – с музыкантами, двумя скрипачами и двумя лютнистами, другая, побольше, – с семейством здешних горожан: почтенная мать в черном платье (а в Соединенных провинциях и черный цвет умели сделать роскошным), три юные дочери, один кавалер – жених, надо полагать, угощающий невесту прогулкой и музыкой.

Молодой человек смотрел сверху на эту милую картину и чувствовал, что счастье маленькой семьи и на него каким-то чудом распространяется. Или же получилось наоборот – он, сам того не зная, улыбкой своей создавал вокруг себя ощущение счастья на расстоянии в двадцать шагов, как цветущий куст шиповника держит вокруг себя на весу облако аромата.

Особенно чутко отзывались на улыбку встречные девушки – в ней было столько доверчивости, что в сердце тут же рождалась ответная. А о том, что молодой человек удивительно хорош собой, что его длинные, до плеч, и не завитые по случаю путешествия волосы – цвета темного меда, что тонкие усики выдают совсем юный возраст – не более двадцати, что чуть раскосые глаза – удивительной голубизны, девушки забывали, очарованные улыбкой, и потом, вспоминая незнакомца, даже не могли б толком описать его. Понимали только, что он – из дворян, из знатного рода – достаточно взглянуть на профиль, и к простой кружевнице вряд ли снизойдет. Сам он очень удивился бы, узнав такое о себе мнение.

Но домашний концерт на воде молодому человеку не показался сказочно прекрасным и задержать надолго не мог – он родился во Фландрии, жил и в Гааге, и в Антверпене, плавал по каналам Амстердама и Гента – и даже не представлял себе города, в котором не было бы великолепных набережных, а многие дома не выросли бы прямо из воды. Он знал эти крошечные садики, дышавшие речной свежестью, и кусты, укоренившиеся в каменной кладке, пившие воду без посредничества матушки-земли. Колоннада, увитая неразличимым издали растением, и скамейки под огромными липами или дубами, и кованые перильца, и смыкавшиеся над неподвижной водой густо-зеленые кроны также были ему отлично знакомы. Поэтому он, не дослушав мотета, повернул коня к Воротам узников.

В нише над воротами стояла маленькая Богородица – молодой человек со слугой перекрестились и въехали в невысокую арку. Теперь до подворья бегиннок, куда им следовало попасть, оставалось совсем немного.

Большие и причудливые каменные ворота по левую руку, увенчанные опять же Богородицей, стоящей в каменном портале, были распахнуты, и молодой человек увидел особенный мирок, тихий и немного суетливый. По улицам, довольно широким и прямым для старинного города, ходили женщины в черных одеждах и белых покрывалах, и каждая была занята делом – одна вела стайку маленьких девочек, другая несла на плече скатанный холст, третья толкала перед собой тачку, а в тачке – большие, увязанные в серую мешковину, тюки; четвертая вела под уздцы ослика; и это лишь те, кого молодой человек увидел в створе ворот.

Он спешил и обратился к старой бегинке-привратнице, сидевшей у колодца с шитьем:

– Добрый вечер, матушка. Не скажете ли, где келья «Бегство в Египет»?

– Ступай прямо и вон там поверни направо, на улицу Святой Маргариты, – был ответ. – И за часовней опять направо. На Старой Кладбищенской спросишь кого-нибудь. Благослови тебя Бог, сынок.

– Подожди меня, Ян, – сказал молодой человек, спешил, отдал поводья слуге и вошел в ворота.

Он знал кое-что о жизни в бегинажах – его родная тетка, овдовев, ушла в бегинки. Их подворья, некогда построенные по всей Европе, теперь можно было встретить главным образом в Соединенных провинциях, но уж зато – едва ли не в каждом городе. От монастырей они отличались не только уставом – женщины жили в маленьких домиках, собираясь вместе разве что в храме на ранней литургии, после чего занимались своими делами. Дел было много – в больших бегинажах обихаживали сирот и взрослых девиц, не имевших покровителей, содержали больницу и странноприимный дом, занимались ремеслами, и не только женскими – иная бегинка и сапоги стачать могла не хуже цехового мастера.

Поскольку бегинки не давали обета безбрачия, в любой миг могли покинуть келью и отправиться под венец, то появление красивого молодого человека никого не смутило.

Подворье бегинки состояло из длинных двухэтажных домов под красными черепичными крышами. Двери келий выходили на улицы, и на каждой висела маленькая черная табличка – келья «Иова», келья «Аполлинарии», келья «Давида». Обитательницы сменялись – названия, данные лет двести назад, сохранялись, что было очень удобно – не цифрами же их метить, в самом деле.

Гость отыскал «Бегство в Египет» и постучал в окошко.

Край занавески приподняла сухая смуглая рука, выглянуло лицо – почти испанское. Молодой человек запустил руку в поясной карман-фальдрикер, который, как и огромные воротники-фрезы, бог весть когда завезли сюда испанцы. Из фальдрикера он вынул письмо, запечатанное красным сургучом, и поднес его к стеклу, чтобы женщина разглядела печать. Знаки на ней были

очень просты – три крошечные пентаграммы. Но женщине они сказали немало – она сразу приоткрыла окно.

– Там, за углом, дверь в садик. Ждите меня в садике, сударь, – велела она по-французски. И тут же край занавески упал, лицо скрылось.

Молодой человек отворил дверь и снова улыбнулся. Это было пространство меньше даже, чем кухня в хорошем гентском или антверпенском доме, шагов восьми в длину, шагов пяти в ширину. Среди разросшихся трав и кустов едва можно было найти дорожку, ведущую к двери.

У двери стояла короткая, на двоих, деревянная скамья, прямо над ней было крошечное окно, задернутое занавеской. Молодой человек уселся, откинулся назад и закрыл глаза. Он наслаждался запахами сада – там ведь был и жасминовый куст в углу, и розовый куст, и еще какой-то с лиловыми цветами, и высокие травы, по всей видимости целебные, иначе зачем бы их тут разводили?

Вышла смуглая бегинка – в черном платье, в белом, сколотом булавкой под узким подбородком, покрывале. Молодой человек встал и снял шляпу.

– Честь имею представиться – граф Эразмус ван Тенгберген, к вашим услугам, – сказал он по-французски. – Вы – госпожа Дениза или госпожа Анриэтта?

– Я Дениза, сударь.

– Я должен услышать еще слова.

– Извольте. Париж прекрасен. Прекрасен в пору цветения каштанов...

– Да, именно так.

– Прошу вас, – сказала Дениза и вздохнула – именно теперь они цвели и уже, наверно, отцветали.

Она села и взяла письмо – толщиной едва ли не в дюйм. Затем она указала графу на скамейку, он сел, стараясь соблюсти приличное расстояние. Вскрыв

послание, Дениза увидела три конверта. На первом значилось: «Сестрам-бегинкам». Она быстро прочитала первые строки этого письма и усмехнулась.

– Так вот оно что, – сказала Дениза. – Нам пора собираться в дорогу. В Курляндском герцогстве мы еще не бывали...

– Да, сударыня. Я обещал сопровождать вас и вашу родственницу в плавании, а потом доставить в Митаву или в Гольдинген, смотря где окажется герцог.

– Курляндия – это далеко?

– На хорошем судне при попутном ветре – менее двух недель.

– Вы на службе?.. – Дениза не завершила фразы, поняв по лицу графа, что он не понял смысла вопроса.

– Я уговорился с его высочеством, что соберу для него книги и, когда библиотека будет готова, сам их привезу.

– А это поручение? – Дениза показала вскрытый конверт.

– Об этом попросил меня родственник. Собственно, он должен был доставить вам письмо, но я все равно ехал в Антверпен, и тогда он, зная, что я возвращаюсь к герцогу, попросил меня помочь вам – забрать вас отсюда, доставить в Курляндию и охранять вас в дороге. Я охотно согласился.

– То есть он знал, что сказано в письме?

– Я об этом не задумывался, – признался граф. – Я просто исполнил просьбу.

– Вы все просьбы исполняете, не задумываясь?

– Да.

И он улыбнулся.

А вот Дениза призадумалась. Выходило, что брюссельский житель, который переправлял им с Анриэттой письма из Парижа, не просто исполнял поручения парижского приятеля, а сам состоял на службе его высокопреосвященства кардинала Мазарини. Иначе откуда бы ему знать содержание письма? Полезная новость – и займет должное место в том хранилище сведений, которым стала голова, а может, уже и душа Денизы. Место, назначенное для стихов и музыки, для дружеских связей и нежности к детям, для мужчины, наконец, – все отведено под сведения, ни дюйма не осталось.

А теперь придется какие-то ненужные распихать по углам, освободив место для новых. Что может значить Курляндия в планах его высокопреосвященства? С каких пор ему любопытны затеи московского царя? И что означает: опасайтесь шведов? Мог бы кардинал и подробнее расписать свое поручение...

Занавеска в маленьком окне шевельнулась, выглянула Анриэтта и увидела аристократический профиль молодого графа.

Ей понравилось это лицо, понравились блестящие пряди медовых волос, спереди выстриженных модной, разделенной пробором, челкой. И она вздохнула от печальной мысли – такие стройные юноши с нежной кожей и чистым сердцем пусть живут для других женщин, безгрешных, не знавших в жизни ничего, кроме тихой радости быть дочерью, сестрой, подружкой... может быть, и женой – но недолго...

Женщина, в дорожном бауле которой спрятаны за подкладкой немецкий охотничий нож, испанский стилет, пузырьки с сонным зельем, не должна и близко подпускать к себе юного графа ван Тенгбергена.

Дениза скосила глаза – хотя и без этого можно было бы обойтись, она не нуждалась во взгляде, чтобы ощутить присутствие подруги. Мысль Анриэтты она тоже уловила – той как раз должен был понравиться высокий стройный юноша с улыбкой доверчивого ребенка. Но догадаться о совместном путешествии Анриэтты не могла – и Дениза ощутила беспокойство. Вряд ли судно ждет в Антверпене – после Вестфальского мира голландцы, захватив устье Шельды, отрезали город от моря. Очевидно, придется ехать в Гаагу или даже Амстердам. Нужно ли Анриэтте столь долгое путешествие в обществе красавчика? Приехал бы он хоть неделей раньше и без письма! А теперь нужно готовить душу к военным действиям, нужно зашнуровывать ее в корсет с металлическими пластинами, в сияющую кирасу нужно ее обрядить

и запретить ей любое своеволие. Задание получено, свобода кончилась.

- Много ли времени вам требуется на сборы? - спросил граф ван Тенгберген.

- Боюсь, к завтрашнему утру мы еще не будем готовы.

- Я не собирался вас торопить...

Он немного смутился, и это смущение Денизе понравилось.

- Подождите тут, мы с подругой посоветуемся, и я выйду.

Дениза вошла в келью, граф остался на скамейке.

Первым делом он сунул руку в свой пузатенький фальдрикер и вытащил книгу. Закладкой служила полоска плотного кружева. Он открыл толстый томик и улыбнулся, предвкушая встречу с любимым романом. Собственно, в закладке он не нуждался, а мог читать роман с любого места, получая огромное удовольствие и от причуд автора, и от собственной памяти - он мог бы наизусть продекламировать, с чего начинается каждая следующая страница.

Граф не заметил, что в маленьком окошке, как раз над его головой, в щели между занавесками виднелись уже два лица.

- Очаровательный мальчик, - прошептала Анриэтта. - Не знаю, что нас ждет в Курляндии, но путешествие будет отменным.

- Нас ждет работа, - напомнила Дениза. - Просто работа, ничем не лучше труда кружевниц. Только у них портится зрение, а у нас...

- Душа.

- Да. Если ее не беречь.

- А для чего беречь? Для кого? Да и как?

– Я схожу к матушке Маргарите, узнаю, готова ли мазь, – не желая спорить, сказала Дениза. Еще не настало время, когда Анриэтту могли пронять разумные доводы.

– По дороге будет келья «Благословение Божье», зайди к госпоже Хейндрикье, поторопи ее – нам для путешествия понадобится новое белье. Неизвестно, когда мы теперь увидим прачку. И на Адскую улицу! Я заказала кружевницам воротники и манжеты – пригодятся для подарков. Что там сказано про деньги?

– Деньги получим у банкира в Антверпене.

Граф ван Тенгберген этого разговора не слышал – он с головой ушел в книжку, и даже звонкая вечерняя песня черного дрозда не могла его отвлечь, не говоря уж о томных столах горлиц.

Книжка была не просто любимая, а жизненно необходимая.

Дениза появилась минут через двадцать – она успела побывать и в «Благословении Божьем», и у кружевниц. Вошла она с улицы.

– Простите, сударь, что заставила ждать. Завтра мы выехать не сможем. Послезавтра – это вас устроит?

– Как будет угодно прекрасной сеньоре, – по-испански ответил граф.

Дениза сообразила, в чем дело.

– Что вы читаете, сеньор? – спросила она тоже по-испански. – Уж не «Дон Кихот» ли у вас в руках?

– «Дон Кихот», прекрасное издание «Офисины Плантинианы».

– Это в Антверпене?

– Да, сеньора. Я хорошо принят в семействе Моретусов, хозяев этой типографии. Коли вам угодно купить книги, я буду иметь честь проводить вас туда – при типографии отличная книжная лавка. Там к моему приезду уже будут

готовы ящики с книгами для герцога Курляндского.

- Да, если мы отправимся в Либаву морем, хотелось бы взять с собой книги - от дорожной скуки. А вы, сеньор, знаете, где в Лире можно остановиться на две ночи?

- Да, любезная сеньора, мне советовали гостиницу у церкви Святого Гуммаруса. Сейчас мы с моим слугой туда отправимся.

- Вы путешествуете лишь с одним слугой, сеньор?

- Да, сеньора, и имущества со мной немного. Весь мой багаж уже в Антверпене. Итак, послезавтра утром я буду иметь честь ждать вас у ворот бегинажа? В котором часу?

- В восемь утра - это подходящее время?

- Да, сеньора. Если вы не сможете к тому времени найти экипаж, дайте мне знать в гостиницу.

- Разумеется, сеньор. Но насчет экипажа у нас есть договоренность. Думаю, мы сможем выехать точно в назначенное время.

- Не смею вас задерживать, сеньора.

Граф раскланялся с грацией аристократа, которого с детства учили танцам, и учили на совесть.

- Вы впервые в Лире, сеньор? - спросила Дениза.

- Впервые, сеньора.

- Погуляйте по нашему подворью. Тут есть своя диковина - улица под названием Рубашечный Рукав. Она шириной менее половины туаза. Второй такой вы нигде не найдете.

– Благодарю, сеньора, и с нетерпением буду ждать нашей встречи!

Дениза думала, что на этом ритуал прощания, даже прощания на испанский лад, со старомодной учтивостью, завершен. Но граф опустился на колени и поднес к губам край ее черного одеяния. Только после этого он покинул крошечный садик, и калитка захлопнулась.

– О Господи... – прошептала Дениза.

В поведении молодого человека была какая-то странность, какая-то несуразность – как если бы ангел небесный, ничего не знающий о земной грязи, переоделся в дворянский костюм и подвесил сбоку шпагу. Улыбка этого посланца судьбы уж точно была ангельская. И если бы он не привез пакет из канцелярии кардинала Мазарини – Дениза, пожалуй, впала бы в умиление.

Скрипнула узкая дверь, отворилась, на пороге стояла Анриэтта в одной рубашке.

– Свершилось! Нашелся человек, взломавший замок и открывший путь к твоему сердцу! – сказала она весело, хотя веселость была сомнительная. – Прехорошенький ангелочек!

Дениза покачала головой.

– Восемь лет, Дениза, восемь лет!.. Чего ты ждешь? Ты же видишь – того, что получают все женщины просто потому, что они женщины, нам Господь не дает. Да возьми же ты наконец свое! Восемь лет – уму непостижимо! И еще восемь лет будешь ждать, и еще восемь! Пока тебя не положат в могилу вместе с твоей дурацкой верностью и гордостью!

Дениза не обиделась. Она умела отличать слова злобы от слов любви.

– Ну сделай же это наконец! – закричала Анриэтта. – Возьми себе красавчика – и получи все, что должна получать женщина! Иначе ты просто сойдешь с ума! Я не понимаю, как ты могла жить без этого, не понимаю! Ты думаешь, что два месяца в бегинаже – отдых? Отдых – это когда ты с мужчиной, чтобы забыть обо всем на свете и хотя бы на полчаса убить свою память! Наберись мужества и возьми этого красавчика!

– Да, он очаровательный молодой человек, – согласилась Дениза, – но знаешь что? Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

Глава вторая

Морское путешествие должно было начаться в Гааге – не так уж часто заходили в устье Шельды и бросали якорь у Стена торговые суда, и флот герцога Курляндского туда неохотно заглядывал. До Гааги добирались с приключениями, и самое комическое из них было – с мартышками.

Граф ван Тенгберген ехал в Курляндское герцогство с диковинным багажом – кроме двенадцати сотен книг, картин в футлярах из оленьей кожи, залитых для пущей сохранности смолой, ящика с дорогими украшениями, четырех ящиков с позументом, кружевами и пуговицами, а также трупы антверпенских танцовщиков, он вез еще и живность для герцогского зверинца вместе со зрителем, опытным по этой части старым моряком Петером Палфейном. На телеги погрузили четыре клетки с мартышками, а огромную корзину с удавом длиной чуть не в два туза старик держал отдельно, рядом со своей постелью, и клялся, что змея слушается его одного. Разумеется, две хитрые мартышки открыли одну из клеток, и пришлось чуть ли не на полдня задержаться – пока эти бесенята не проголодались и не слезли с дерева.

– С ними нужно разговаривать по-испански, – утверждал Палфейн. – Их взяли на испанском судне, они других языков не понимают!

– Не прикажешь ли спеть им серенаду? – любопытствовал граф.

Путешествие ему нравилось – и даже побег мартышек радовал. Это было отменное развлечение для человека, отлично знающего испанский: Палфейн, задрав голову, показывал мартышкам прошлогоднее сморщенное яблоко и хрипло выкрикивал, безбожно перевирая, злодейские матросские ругательства – они и составляли его испанский словарь. Вдруг граф забеспокоился – не смутит ли бегинок этакая музыка? Оказалось, что не смутила, – они, отворив дверцу экипажа, от души смеялись. И графу вдруг сделалось неприятно: высокородные дамы, а он почитал своих спутниц за весьма знатных особ, не имели права знать такие выражения. Он вздохнул – развращенный век,

падение нравов, и в одиночку тут ничего не исправишь.

Обоз двигался неторопливо, граф время от времени доставал из фальдрикера своего «Дон Кихота» и, покачиваясь в седле, читал для утешения десяток-другой страниц. Потом опускал книгу на конскую холку и ехал, мечтательно глядя вдаль. Он видел зеленые луга и рощи, поля и сады, видел пасущиеся стада пятнистых коров, видел небольшие табуны лошадей, а главное – вдали стояли ветряные мельницы. Их было меж Антверпеном и Гаагой превеликое множество; расстояние создавало иллюзию, будто они выстроились в ряд, как солдаты на плацу. Это крылатое воинство напомнило ему ту главу из «Дон Кихота», в которой безумный рыцарь принимает мельницу за великана и бросается на нее с копьем. Но граф умел отделять зерно от плевел и мудрые мысли от нелепых поступков.

Мельницы были красивы и полезны – не нападать на них следовало, а защищать их, хотя врага не было и пока не предвиделось. Но весь Божий мир нуждается в защите – так рассуждал граф, и каждый христианин в свое время и на своем месте должен любить прекрасное и защищать слабое, больное, обиженное. Он был готов прийти на помощь по первому зову – и Божий мир представлялся ему чем-то вроде шахматной доски: на каждой клетке должен быть человек, готовый примчаться по первому зову, чтобы искоренить несправедливость. Тогда в мире все будет гармонично...

Он занимал свою клетку, и сейчас рядом находились люди, которых он с радостью опекал: две бегинки, семерка танцовщиков, Петер Палфейн. Стало быть, мировая гармония хоть тут существовала.

* * *

Наконец прибыли в Гаагу, а оттуда до Схевенингена, где ждало судно, было уже рукой подать.

Порт, казалось, конца и края не имел. Отсюда выходили и рыболовецкие суда в огромном количестве, привозили знаменитую селедку, которую граф, к стыду своему, просто обожал. Аристократ не имеет права есть рыбу руками, да еще так, как принято в Гааге: взяв за хвост, обмакнуть в мелко нарезанный лук, потом запрокинуть голову и опускать лакомство в рот понемногу, жуя и глотая с подлинным наслаждением. Однако граф ван Тенгберген, когда бывал в этих

краях, непременно посылал Яна за селедкой, наказывая взять две штуки, не более: одну слуге, одну себе. Раз уж никак нельзя без плебейской рыбины, так пусть ее хоть будет поменьше. И съесть ее – за сараем, где хранятся зимой весла, сети, фонари и прочие предметы рыбацкого ремесла.

Оставив свой обоз, граф взял с собой Яна и поскакал к причалам.

Переговоры с простонародьем поручались обычно Яну.

– Эй, парень! – окликнул слуга человека с тачкой. – Пришел ли из Либавы флейт «Три селедки»?

– Неделю как стоит, – отвечал тот. – Ну и каторга же – выгружать зерно, наваленное как попало в трюм! Мы так намахались лопатами!

– Где стоит?

– А в том конце причала, видишь, за большим кофом, вон там, куда смотрит бушприт. Вон, вон, видишь высокую корму?

– Спасибо, парень.

Граф, слушая этот разговор, смотрел на бескрайнее темное море, на редкие медленные волны, на вдруг возникающие узкие полосы белой пены. Эти волны были совершенно безопасны для рыбацких лодок с бортами, надстроенными так, чтобы брать побольше добычи, так что, если смотреть с высокой дюны, лодка имела вид прямоугольника с торчащим крохотным носом и каким-то странным намеком на корму.

Неподалеку от причалов стояли суда, которые разгружали на рейде, доставляя груз к причалам лодками, пока их осадка не повышалась настолько, чтобы они могли пришвартоваться, не боясь застрять на мелководье. Несколько дней назад точно так же бегали лодки между курляндским флейтом и причалом.

– Мне найти капитана? – спросил Ян, видя, что молодой хозяин опять улетел мыслями в неведомые края.

– Поедем вместе.

Вскоре они были на причале.

«Три селетки» привезли в Гаагу зерно и деготь в бочках, и молодой капитан Ганс Довсон, родной племянник герцогского любимца капитана Якоба Довсона, имея указания от самого герцога, остался ждать графа ван Тенгбергера с его причудливой свитой. Капитана Ганса нашли на берегу, где он вместе с корабельным коком покупал свежую рыбу, и сразу обо всем уговорились.

Судно «Три селетки» было трехмачтовым флейтом, построенным весьма хитроумно – пузатым, с заваленными внутрь, как у испанских галеонов, бортами. Строились флейты такими не для того, чтобы противостоять пиратам и затруднять им абордаж, – на Балтике и в Северном море им это не угрожало, а в дальних странствиях торговые суда, даже те, что сами были оснащены пушками, сопровождали конвои военных кораблей. Флейт был ответом сообразительных купцов на высокие портовые пошлины, которые взимались самым простым способом – соответственно ширине судна, а объем большого трюма в расчет не принимался. Купцы умели считать деньги – для постройки флейта больших средств не требовалось, брали не прочный и дорогой дуб, а дешевую сосну, с которой работать легче и времени уходит не так уж много, а матросов требовалось чуть ли не втрое меньше, чем на любом другом судне такого же размера, оттого что парусное вооружение флейта было придумано очень удачно.

Из трех мачт две, грот и фок, несли марсели, но брамселей над ними и даже самой брам-стенги на них не было. Эти марсели были больше, чем на других судах, хорошо брали ветер, и их высота позволяла уменьшить размеры нижних парусов, грот-паруса и фок-паруса. Потому-то матросам легче было справляться с ними, а в ненастье они могли управлять флейтом с помощью одних марселей.

«Трем селеткам» вполне хватало капитана, штурмана, плотника, восьми матросов и юнги. Эта команда прекрасно управлялась с парусами даже в бурю.

Судно выделялось среди прочих не только названием, но и носовой фигурой: это был не обычный лев и не девица, дерзко выставившая обнаженную грудь, а морской конь, совсем недавно выкрашенный голубой краской. От обычных коней он отличался не только цветом, но и ногами – вместо копыт они

завершались деревянными лепестками, словно огромные и полностью распутившиеся тюльпаны. Видимо, резчик по дереву и владелец флейта вместе решили, что такими конечностями морскому зверю будет легче грести.

Граф послал Яна за селедкой, а сам вернулся к обозу и повел его к причалу. Тут же рядом оказались портовые грузчики с предложением услуг. Капитан Довсон уже выбирал самых надежных. Груз был для флейта вроде и незначительный, но требующий заботы. Тех же мартышек следовало устроить в трюме, чтобы на палубе они не простудились от холодного ветра.

– Когда мы шли сюда, то в Каттегате попали в такой шторм, что нас отнесло чуть ли не к Гетеборгу, – говорил капитан, следя, как по сходням заносят ящики с книгами. – Всю ночь, до рассвета, продолжались шквалы, налетали каждые десять минут, впридачу с дождем, да еще ревели и завывали, как бешеные. И тучи неслись с неслыханной скоростью: вот только что она была на горизонте – и сразу уже над клотиком грота. А холод был такой, что хоть кутайся в одеяло.

– Когда мы выходим? – спросил граф.

Капитан посмотрел на небо.

– Если ветер не переменится, то часа через два. Все, что я должен был здесь взять, уже в трюме, ждали только вас.

– Вот что мне нужно сделать, – решил граф. – Пока есть время – съездить в город и купить курительных трубок.

Сам он не курил, но белые голландские трубки с длинными чубуками, желательны из мастерской Виллема Барнелтса, помеченные коронованной розой, могли быть хорошим подарком. Там же, в Гааге, можно было купить и табак – обычный и смешанный с коноплей. Если трубки в Курляндии уже начали делать свои, в городе Бауске, то своего табака еще не растили.

– Спросите дам – может, они вспомнят, что забыли сделать на берегу. Обычно забывают, а потом, стоит отойти на две мили, хнычут и охают, – с легким высокомерием настоящего, хотя и очень молодого, моряка посоветовал капитан.

Но Дениза и Анриэтта умели собираться в дорогу. В плавании они даже не нуждались в услугах горничной – времени хватало на то, чтобы себя обиходить.

Обе были в прекрасном настроении – антверпенские лавки принесли хороший улов. У женщин, которые выполняют тайные поручения его высокопреосвященства, мало в жизни безмятежных радостей, и одна из них – прогулка по лавкам, прогулка с полным кошельком и с приказом из Парижа: не скупиться, потому что часть покупок нужна для дорогих подарков нужным людям. Поэтому пальцы скромных бегинок были в роскошных перстнях, а на шее у каждой – и жемчуга, и подвески. Это имело и практическое значение: в шторм не будет возможности спасти сундуки и сохранить удастся только то, что на себе.

Из денег, которыми они могли распоряжаться, ни перед кем не отчитываясь, была выделена особая сумма – соответствующая двум сотням золотых луидоров. Ее с надежным человеком, купцом-виноторговцем, отправили во Францию, в Шайо, в монастырь визитандианок, аббатиса которого знала, как дальше поступить с деньгами.

Француженки поднялись на борт, капитан препроводил их в маленькую каюту и сказал:

– Я пригласил бы дам обедать за своим столом, если бы у меня этот стол был. Я питаюсь из одного котла с моими людьми. Пища хорошая, по пути мы два или три раза причалим, чтобы взять свежее мясо и овощи. Дамам тоже советую довериться моему коку, хотя он, коли угодно, может отдельно жарить для дам и птицу, и свинину...

Анриэтта не учила немецкого, но хорошо понимала по-голландски. Сходство языков позволило ей понять смысл, и она ответила по-голландски, зная, что это наречие всем морякам знакомо.

– Мы не привередливы, – сказала она и улыбнулась. – К тому же мы взяли с собой хорошие сыры и корзинку с вином. Будем рады угостить господина капитана.

Довсон лишь поклонился.

Не то чтобы он испугался угощения в крошечной каюте, застолья с вином и дамским кокетством, а просто с самого начала, как только увидел путешественниц, ощутил сомнение: порядочные женщины не странствуют вдвоем, без слуг, под покровительством молодого кавалера, и для чего бегинкам разъезжать по морю, для чего забираться так далеко от своих бегинажей, непонятно. А капитан был воспитан довольно строго и имел свое понятие о женских добродетелях. Дети, кухня, храм Божий – вот три смысла жизни, если не считать любви к законному супругу. Путешествия без присмотра в этот список не входят.

Так что восторга молодой капитан не изъявил. И понял, что это было замечено.

– Мы благодарны вам, господин капитан, – довольно сухо произнесла Дениза. – Не смеем задерживать.

Его проводил смешок Анриэтты.

– Я лишь теперь поняла, куда мы едем! Да это же пуританин, разрази их всех Господь, настоящий пуританин! Остричь его покороче – и сам Кромвель был бы доволен! Ты заметила, как он на меня посмотрел? Он уже видел вокруг меня адское пламя и сковородку под моим задом! – воскликнула Анриэтта.

– Это облегчает нашу задачу. Если все дамы при дворе герцога преисполнены нравственности, то ему наверняка в их обществе даже не скучно, а тоскливо.

– А ведь герцог, если верить графу, много путешествовал по Европе и знает, что такое светское обхождение и галантность!

– Тем лучше. Давай я тебя расшнурую. Как колено?

– С ним все в порядке.

Но Дениза знала, что до порядка еще далеко, она видела болезненную гримаску подруги, поднимавшейся в каюту по узкой и неудобной лестнице, когда судно вдруг качнулось и пришлось сделать неловкое движение.

– Я прилягу, – сказала Дениза, возясь со шнурками. – Дорога утомила меня. Возьму какую-нибудь глупую книжку и буду над ней дремать.

– «Клелию»! – обрадовалась Анриэтта. – Хочешь, я тебе вслух почитаю? Куда мы ее засунули?

Роман госпожи Скюдери оказался на самом дне сундучка, и к нему прилагались две свернутые карты – одна, составленная самой писательницей, а нарисованная и гравированная неизвестным и не обремененным фантазией типографщиком, «Карта Страны Нежности», и другая, купленная отдельно и изданная не в пример лучше, – «Карта Страны Кокетства» аббата д’Обиньяка.

– Не так уж это глупо, – водя пальцем по первой карте, сказала Дениза, – раз уж мы едем к пуританам. Тут как раз те деревни, через которые нужно ехать к сердцу герцога, – Любезные Услуги, Зарождающаяся Дружба, Стихотворные Приятности. Но, чтобы добраться до крепости Нежность, нужно выбрать речку, по которой плыть, поскольку крепости три – Нежность-на-Склонности, Нежность-на-Почитании и Нежность-на-Признательности.

– Пожалуй, мы сперва будем штурмовать Нежность-на-Почитании. Наши белые покрывала должны будут внушить герцогскому двору такое почтение... то есть для начала – внушить почтение...

– Нет, не только для начала. Ведь неизвестно, надолго ли отправил нас кардинал в эту глушь. Придется...

– А по ночам мы будем тайно читать Скаррона и наслаждаться безобразиями!

Так началось это плавание – Ганс Довсон, объясняя графу ван Тенгбергену курс флейта, смотрел в свою карту, а Дениза с Анриэттой – в свою, развлекаясь попутно смешными цитатами из Скарронова «Вергилия наизнанку».

* * *

Несколько дней спустя, когда солнце пригревало, а попутный ветер был не слишком сильным, Дениза и Анриэтта стояли на баке у фальшборта, смотрели, как проплывают мелкие островки справа, и наслаждались морским

воздухом. Обе они были в черных одеяниях бегинок, но без белых покрывал, в длинных плащах с капюшонами. Черные волосы Денизы Анриэтта заплела в две косы и уложила их на макушке причудливым венком. Жесткие рыжие кудри Анриэтты Дениза собрала в узел и заколола на затылке длинными шпильками. Волосы на висках у обеих были подстрижены и едва достигали плеч, чтобы при необходимости их можно было завить на модный лад, и с утра они были подобраны и подколоты. Но ветер вытащил эти пряди и растрепал их. Это развеселило подруг – и не станешь же спорить с ветром в открытом море, даже если летящие вперед волосы мешают глядеть на волны и горизонт.

Хорошей погодой наслаждались все пассажиры. Петер Палфейн вытащил на палубу корзину с удавом и снял крышку. На плече у моряка сидела крошечная обезьянка и грызла черствую плюшку. Капитан Довсон клялся, что ежели чертова тварь сорвется с веревки и удерет на мачту, никто за ней туда не полезет.

Граф ван Тенгберген находился поблизости и беседовал с худеньким мальчиком, на вид – лет пятнадцати, одетым очень просто, с личиком самым обыкновенным. Издали за ними наблюдала компания из шестерых молодых мужчин – это были антверпенские танцовщики. Все они глядели на графа как-то неодобрительно.

– Как же они беспокоятся о своем товаре, – шепнула Анриэтта. – А товару грош цена.

– Вряд ли, – ответила Дениза. – Они просто боятся, что девчонка сдуру забеременеет и испортит им всю авантюру.

Это действительно была девушка – по бумагам Маргарита, в просторечии – Грит, а когда старший брат сердился на нее, то кричал «Дюлле Грит!», что означало – бестолковая, сумасшедшая, шальная, в зависимости от обстановки. Дениза и Анриэтта стали ее звать между собой именно так – Дюллегрит. И очень сомневались, что от этого графского приобретения будет хоть какая-то польза.

К тому же они отлично видели, что Эразмус ван Тенгберген девчонке очень нравится, и сильно этого не одобряли. Возможно, потому, что рядом с совсем юной Дюллегрит ощущали свой возраст и немного тосковали об ушедшей юности. Было и еще одно соображение, которым они друг с дружкой не делились: молодой граф, вздумай он скрасить дорожную скуку амурным

приключением, скорее бы выбрал девушку, чем бегинку, старше себя по меньшей мере на пять лет. Шестеро молодых, сердито глядевших на графа, были, кажется, того же мнения.

– Вот увидишь, они захотят уложить Дюллегрита в постель к герцогу, – настаивала Анриэтта.

– Если они это сделают, герцогу придется искать ее там с фонарем. Она потеряется в складках простыни.

Анриэтта засмеялась. Худенькая Дюллегрита вряд ли привлекла бы к себе мужское внимание, даже разденясь она догола. Но Анриэтта знала, какие чудеса творит с людьми театр.

Граф ван Тенгберген нанял шестерых танцовщиков и Дюллегриту в амстердамском городском театре, где парни плясали в комических балетах. Они обещались исполнить в Митаве, герцогской столице, несколько спектаклей – неприятных, на простой народный вкус, но безумно смешных. Дюллегрита поехала с ними, чтобы тоже танцевать перед герцогом в двух пасторалях. Это было дело неслыханное – чтобы женщина плясала на сцене, но в Антверпене имелось несколько таких особ, учившихся танцу для того, чтобы выступать перед публикой, и горожане с нетерпением ждали первого балета с их участием. Тут Антверпен мог обскать даже Париж, где роли пастушек и греческих богинь исполняли юноши.

– Даже если она будет наступать себе на ноги и грохнется на задницу, главное все же будет сделано – она покажется на сцене в богатом платье, а талия у нее тоньше твоей, – сказала Анриэтта. – И ноги будут высоко открыты. Вот любопытно, умеет ли она отбивать антраша-катр или кабриоли.

– Богатого платья у нее не будет, она же не придворная его величества, – возразила Дениза. – Это они шьют для балетов наряды, расшитые золотом, чтобы составить достойный фон для его величества. Хотелось бы мне знать, что на самом деле думает его высокопреосвященство об этой королевской забаве. В глаза-то он его величеству одни комплименты говорит.

Имелся в виду юный французский король. Он мало что унаследовал от покойного батюшки – кроме любви к музыке и танцам. Людовик XIII получил настолько

основательное музыкальное образование, что не только писал куртуазные песни и клал на музыку псалмы, но и сам сочинил целый спектакль, получивший название «Мерлезонский балет». Сочинил – означало, что король придумал сюжет, состоящий из приключений во время охоты на дроздов – одного из любимых его развлечений, написал музыку, разучил ее с оркестрантами, сам поставил танцы, даже набросал эскизы декораций и костюмов. Увлечшись, он решил выйти на сцену самолично и исполнил две роли: торговки приманками и крестьянина. Было ему тогда тридцать четыре года – возраст, по тайному мнению придворных, не слишком танцевальный.

– Ему же спокойнее, когда король увлекается одними танцами и не задает лишних вопросов, – сказала Анриэтта так, словно речь шла о маленьком ребенке.

– Помяни мое слово: однажды он эти вопросы задаст.

Насчет нарядов Дюллегрит Дениза была права – они только издали гляделись роскошно. И головные уборы увенчаны были не воздушными и трепетными страусиными перьями, как у придворных танцоров, а шерстяными поддельными, весившими столько, что голову приходилось нести очень бережно. Большие картонки с этими диковинными сооружениями были привязаны прямо на палубе – чтобы в трюме их случайно не помяли. В трюме, кроме мартышек и иных грузов, поставили также тяжелые ящики с книгами из «Офисины Плантинианы» на латинском, немецком и французском языках. Музыкальные инструменты танцовщики и граф везли в своих каютах.

Наконец старший брат танцовщицы не выдержал – подошел. Это был высокий парень лет двадцати трех, изумительно длинноногий, так что получил прозвище Длинный Ваппер и, кажется, гордился им не менее, чем какой-нибудь вельможа – титулом.

Ваппер был знаменитым антверпенским пугалом для пьяниц. Обитал он, как говорили, в замке Стен на берегу Шельды и был то ли духом, жившим в здешних местах с Сотворения мира, то ли обычным привидением – этого добра всюду хватало. От прочих призраков Длинный Ваппер отличался тем, что терпеть не мог пьяных. Как только увидит подгулявшего морячка – так и вырастает вровень с замком, и гонится за бедолагой по улицам и задворкам, пока тот от бега и страха не протрезвеет.

– Не вышло бы ссоры, – глядя на самоуверенного танцовщика, сказала Дениза.

– Красивый парень. Хотелось бы знать, на что он способен, – ответила Анриэтта.

Длинный Ваппер имел худое лицо, грубоватое, но правильное, и чересчур пухлые для такого лица губы. Неудивительно, что Анриэтта вспомнила о поцелуях, подумала Дениза, в ее жизни слишком долго не было поцелуев – просто так, от избытка чувств, а не по указанию его высокопреосвященства. Длинный Ваппер плечист, осанка у него прекрасная, ноги стройные, голову несет гордо – отчего бы и нет? Правда, Анриэтта сказала как-то, что от высоких мужчин толку мало, но сказала всего один раз. Может, забыла об этом афоризме?

На слова танцовщика, которых подруги не слышали, граф ответил своей изумительной детской улыбкой. Они о чем-то потолковали, и Длинный Ваппер увел Дюллегрита, а граф направился к бегинкам.

– Я не заставляю вас скучать, прекрасные сеньоры? – спросил он по-испански. – Кроме пейзажа с волнами и чайками тут одно развлечение – книги. Вы что-то взяли в дорогу?

– У Моретуса все настолько серьезно, что мы ограничились новыми молитвенниками и книгой о растениях, сеньор, – ответила Дениза. – В ней мы, две скромные женщины, можем хоть что-то понять.

Она боялась, что имя фривольного аббата Скаррона заставит графа покраснеть. А про «Артамена» и «Клелию» ему вовсе было знать незачем – мужчина, читающий Сервантеса, такого рода литературы не поймет.

– Когда я открываю богословский трактат, меня тут же тянет ко сну. Они годятся лишь для того, чтобы в дороге разглаживать в них кружева, – добавила Анриэтта. – Ведь не повезешь с собой в карете пресс для кружев. У меня раньше был для этой надобности толстенный том Плутарха...

– А вы можете предложить что-то интересное, сеньор? – поспешно спросила Дениза. Плутарх, как и белый шиповник, был в списке запрещенных воспоминаний, от которых подругу следовало беречь.

– Да, прекрасные сеньоры, у меня с собой пресмешная книжка на испанском языке. Она не такая увесистая, чтобы разглаживать в ней кружева, значит, у вас не будет соблазна использовать ее не по назначению, – граф полез в свой толстый фальдрикер, где было много всякого имущества, кроме «Дон Кихота», и достал небольшой томик. – Извольте – «Хромой Бес», сочинение Луиса Велеса де Гевары.

– Пьеса? – одним словом Дениза дала понять, что и читает на испанском языке, и знает самых талантливых авторов. Гевара написал несметное множество драм, и какие-то из них Дениза, кажется, даже видела в Брюсселе.

– Нет, сеньора, роман, его единственный роман. Более того – плутовской роман. Угодно вам прочитать?

– Да, сеньор.

Дениза протянула руку – граф, как истинный испанский кабальеро, чья почтительная галантность не знает меры, стоял довольно далеко от дамы. Пальцы коснулись черного переплета – и вдруг Дениза поняла, что брать эту книжку не надо. У нее бывали иногда озарения – она вдруг ощущала опасность, такую, что лучше бы скрыться бегством, и обычно оказывалась права.

Вокруг книжки был ореол опасности.

Чего дурного можно ожидать от веселого испанского романа? Судя по названию, в нем главный герой – бес, нечистая сила, зловредная сущность.

Но не выскочит же он из-за обложки. Может, книжка – в числе тех, которые католической церковью не одобряются? Или в ней чересчур откровенные описания?

Не успела Дениза перебрать все причины, по которым к «Хромому Бесу» не следует прикасаться, как книгу взяла Анриэтта.

– Благодарю вас, сеньор, – сказала она графу, явно желая увидеть полюбившуюся ей улыбку. И он ответил, радостно улыбаясь, что всегда счастлив служить дамам, особенно если они прекрасны.

– А если встретится уродливая дама? – спросила Анриэтта.

– Я готов служить любой даме... – граф задумался. – Любопытный вопрос вы задали: должен ли рыцарь задумываться о красоте дамы, которая нуждается в помощи? Должен ли он обращать внимание на красоту прежде, чем стать покровителем дамы? Да, я знаю сам, что не должен... однако как быть, если это происходит само собой?..

– А Грит Пермеке, на ваш взгляд, красива? Я хочу знать, отчего вы покровительствуете ей, сеньор, и как в этом случае проявляются рыцарские чувства, – сказала Анриэтта.

Дениза опустила глаза – началось... Подруга перешла в наступление. Сейчас она уничтожит девчонку, развеет в прах, а потом начнет морочить графу голову, тем более что после отдыха в Лире она выглядит прекрасно.

– Она красива, – подумав, ответил граф. – Я видел ее на репетиции в театре, где она танцевала партию купидона. Это был воистину купидон – мне казалось, что ее ноги не касаются пола... простите...

– Давайте перейдем на французский язык, сеньор, – предложила Анриэтта. – Испанцу обсуждать женские ноги не велит этикет, а мы, французы, против таких речей ничего не имеем. Итак (тут она заговорила по-французски), вы в восторге от того, как ловко эта девица пользуется своими ногами, или от того, что увидели их открытыми выше колена?

Граф покраснел. Балетный костюм действительно открывал ноги танцовщиков, затянутые в шелковые чулки и узкие штаны, довольно высоко. Да и сам он был довольно откровенным – стан туго обтягивала парчовая или просто матерчатая кираса, от талии начиналась короткая юбка на камышовом каркасе под названием «бочонок», руки могли быть обнажены по локоть.

– Я... я в восхищении от ее ловкости и грации... Это – как пляска мотылька над цветами...

– Да, пожалуй, девушка похожа на мотылька, – согласилась Анриэтта. – Такая же хрупкая и бестелесная. Полагаю, такой она останется до старости. А умна ли она? Ведь вы, господин граф, образованный собеседник, и я хочу

знать – достойна ли вас бедная девочка, выросшая за театральными кулисами, в обществе распущенных прыгунов?

Дениза вздохнула – это не Анриэтта говорила молодому человеку гадости, это ее одиночество кричало и вопило во всю глотку. Одиночество требовало: сударь, скажите же наконец комплимент моей ловкости, моей красоте, моей образованности и намекните, что мы в этом путешествии можем неплохо позабавиться!

– Достойна ли? Но ведь она – девица... то есть всякая девица достойна внимания, уважения и защиты... Потому лишь, что она – девица, и это не вызывает сомнений... Вы смеетесь?

– Ваше рыцарство нас радует, – за двоих ответила Дениза. – Моя подруга имела в виду иное. Вы столько книг прочитали, а она разве что молитвенник – да и то, наверно, заучила молитвы с чьих-то слов.

– Читать она выучена, – ответил смущенный граф, – но мы говорили не о книгах. Мы говорили о танце и о том, как трудно делать прыжки в туфлях на каблуках.

– Вам это было интересно? – удивилась Анриэтта.

– Да, сударыня. Видите ли, мы едем в Курляндию, которая теперь – самое передовое из всех европейских государств. За пятнадцать лет герцогство преобразилось – герцог Якоб выстроил лесопилки, смолокурни, фабрики, оружейные заводы, кузницы, с верфей Виндавы постоянно спускаются на воду корабли, в том числе военные, и он их продает за хорошие деньги. Вы знаете, что у Курляндии скоро флот будет больше, чем у Франции? Он не покупает товары у Ост-Индской компании – у Курляндии есть свой табак и кофе, свой рис, сахар, хлопок и пряности. Спросите – откуда? Ей принадлежит остров Тобаго у берегов Южной Америки, и это – приобретение герцога Якоба.

– Но при чем тут бедная девочка?

– Именно в Курляндии можно теперь производить самые неожиданные опыты, и даже опыт преображения балета!

Рассказывая об успехах герцогства, граф впал в неподдельный восторг.

– Якоб – тот самый просвещенный правитель, о котором Европа мечтала столетиями! Он – покровитель наук и искусств! Он – искусный дипломат! – восклицал граф. – Я рад, что могу служить ему в столь замечательном деле, как создание лучшего в мире государства!

Подруги переглянулись – вот только того не доставало, чтобы этот пылкий юноша со счастливой улыбкой радостного ребенка взялся строить государство...

Дюллегрит издали следила за ними. Как всякое театральное дитя, она была догадлива: видела, что прихлась не по душе двум пожилым бегинкам. Причины она не понимала – ей бы и в голову не пришло, что одна из бегинок попросту ревнует.

– Перестань на него тарашиться, он тебе не по зубам, – сказал Длинный Ваппер. – Надо же – граф ей полюбился! И смотри у меня! Застану с ним – выпорю. Я матери слово дал – какой тебя увез, такой и верну. Если только не выдам замуж.

– Замуж не пойду, – строптиво ответила Дюллегрит. – Или пойду – но потом, когда стану танцовщицей.

– Думаешь, на тебе кто-то женится?

– Кто-то из наших.

– Йоос?

– Может быть...

И при этом Дюллегрит все же глядела на графа.

– За Йооса я бы тебя отдал, – задумчиво произнес танцовщик. – Вы бы вместе плясали в пасторалях. По росту он тебе очень подходит, не то что я. Хорошо бы нам ко Дню Всех Святых вернуться в Антверпен и сыграть вашу свадьбу. Тогда бы у меня прямо камень с души свалился.

Сам он при этом глядел на Анриэтту.

В первый же день плавания он несколько раз встретился с ней взглядом, пригляделся – и понял, что дама очень хороша собой. Правда, под черным одеянием и плащом не разобрать, какое у нее тело, но лицо – дивное. И эти медно-рыжие кудри – таким цветом волос художники наделяют разве что Марию Магдалину. Если распустить узел – пожалуй, будут по пояс...

Дюллегрит чуть было не брякнула, что Йоос никуда не денется. И слишком много в их положении неопределенности. Они могут не понравиться герцогу – и он отошлет всю компанию обратно в Антверпен. Они могут чересчур понравиться – и он оставит танцовщиков у себя на зиму да еще прикажет им заниматься с учениками. И совершенно непонятно, какие планы у графа ван Тенгбергена. Едет он в Курляндию надолго, поступит там на службу к герцогу? Или передаст ему танцовщиков, передаст библиотеку, съездит с герцогом на охоту – и первым же судном вернется домой?

Девушка не знала, что ее отношение к графу примерно такое же, как у Анриэтты и Денизы. Все трое восхищались его красотой и удивительной улыбкой – но ни одна не мечтала о его близости. Было в его поведении что-то настолько ангельское, что обычные девичьи и женские мечты даже не возникали.

– Опять ты на него уставилась, – сердито сказал старший брат. – Давай лучше пойдем к Палфейну смотреть змея.

– Ты что, Никласс! Я его боюсь!

– Когда ему холодно, он на людей не бросается.

– А как мы можем знать, холодно ему или жарко?

– У Палфейна спросим. Пошли!

Змея лежала пятнистой кучей, спрятав голову в собственные завитки, и ни к чему не проявляла интереса. Палфейн разглагольствовал о кормлении – он раз в неделю предлагал удаву живых крыс или крольчат, но вот описывать трапезу не стоило – Дюллегрит возмутилась его жестокостью и убежала.

В каюте она всплакнула от жалости к бедным крысам и к самой себе – граф был недосягаем, как звезда в небе.

Он же, не подозревая о беспокойстве, которое произвел в девичьем сердце, уединился на корме «Трех селедок» и, сидя на бухте каната, снова перечитывал любимый роман. Беседа с Анриэттой смутила его, и он искал в книге душевного равновесия.

Глава третья

Флейт «Три селедки» взял курс на север, в Хиртсхале наняли лоцмана, и граф ван Тенгберген уже объяснял Денизе с Анриэттой, что скоро судно войдет в пролив Скагеррак, а там, обогнув мыс Скаген, повернет к югу, в пролив Каттегат. Но тут везение капитана Довсона кончилось – стало штормить, и ночью валы были так высоки и свирепы, что выхлестнули стекла в двух каютах, графской и у танцовщиков. Пришлось затянуть окна парусиной.

Шквалы, сопровождаемые сильным дождем, не давали толком войти в пролив, и Довсон, лавируя, сумел за трое суток пройти всего лишь сорок пять миль. Тогда капитан решил прекратить попытки, положиться на восточный ветер и дойти до гавани Мардо – маленький торговый городок Арендаль, бывший при ней, мог снабдить «Три селедки» свежими припасами и пресной водой, которая расходовалась в большом количестве, – дамы желали каждый день умывать не только лицо с руками и даже взялись присматривать за Дюллегрит, чтобы от девочки не пахло потом.

Решение было принято вечером и всех обрадовало, но в первом часу ночи внезапный северо-западный ветер, словно в насмешку, показал возможность быстро и без затруднений войти в Каттегат. До шести утра флейт прошел шестнадцать миль, и тут ему предстояло плясать сарабанду между известными всем лоцманам камнями Патер-Ностер и камнями Лангеброд.

Ветер стих и едва мог наполнять верхние паруса, флейт зыбью приближало к берегу. Небо снова покрылось облаками, шел сильный дождь, и страшные черные тучи поднимались от запада. Капитан, ожидая шквала, расставил

матросов по местам, а пассажиров предупредил об опасности. Танцовщиков и Палфейна приставили к якорям, хотя на якоря надежды было мало, – у самых камней, на глубине, в крепкий ветер и при большом волнении они недолго удержали бы флейт. Но обошлось. Флейт наконец вошел в пролив и взял курс на Эресунн.

Анриэтту опасность взволновала – да она еще и смотрела, как голые по пояс танцовщики под проливным дождем помогают матросам, как ловко карабкается по вантам, казалось бы, совсем к ним непривычный Длинный Ваппер. Она откровенно следила за парнем, не спускала с него взгляда, и он в конце концов понял это, хотя и не сразу поверил собственным глазам.

– Ты твердо решилась? – спросила Дениза.

– Пусть это будет, и поскорее, – ответила подруга.

И это случилось – когда дождь стих, Дениза нарочно пошла к матросам с холщовыми полосами бинтовать чью-то ободранную о канаты руку. Она взяла с собой корзинку с двумя бутылками хорошего вина, с большим куском копченого мяса на закуску, и ходила в своем безупречно белом покрывале, угощая всех, кто трудился под дождем. Речь матросов она понимала плохо, да и они не могли разобрать, что им толкует смуглая бегинка, однако кружка и ломоть мяса, насаженный на нож, заменяли им лексиконы. Что-то помог перетолмачить капитан Довсон, немного знающий по-французски и по-голландски.

Когда Дениза вернулась в каюту, Анриэтта была там одна, и на ее хмуром лице было написано черными, как вар для тирования такелажа, буквами: лучше бы я этого не делала...

Дениза села рядом с ней, обняла и поцеловала. Ей было сейчас так же плохо, как любимой подруге, сестре – роднее настоящих сестер, единственному в мире существу, которое она могла назвать близким.

– Ты покрывало испачкала, – сказала Анриэтта.

– Когда будем в Митаве, устроим большую стирку. Давай я перестелю постель.

– Перестань мне все прощать! Я же знаю, что ты обо мне думаешь! – вдруг закричала Анриэтта.

– При чем тут прощение? Мне и слово такое на ум не приходило.

– А что же тогда?

– То, что я понимаю тебя. Ты перед Курляндией хочешь, чтобы это хоть на корабле было по твоей воле, а не по приказу его высокопреосвященства, вот и все, – Дениза вздохнула. – Вот и все...

– Может быть, когда-нибудь мы состаримся и станем непригодны для этих дел. Если нам дадут состариться. Или Мазарини отправится в преисподнюю. Или наша бедная королева вернется в Англию... Тогда мы купим домик на окраине, поселимся там и до самой смерти не увидим ни одного чужого лица, – сказала Анриэтта. – И это будет счастье...

* * *

Она не покидала каюты, пока за ней не явился граф ван Тенгберген и не уговорил выйти на палубу, чтобы посмотреть на старинную крепость Хельсингер, во французском произношении Эльсинор. Крепость охраняла самое узкое место пролива Эресунн. Городок у Хельсингера был постоянным двором всей балтийской торговли. Летом он делался многолюдным, там можно было и застать продовольствием, и узнать все морские новости на немецком, шведском, английском, датском, голландском и французском языках. На Хельсингерском рейде суда прямо-таки теснились, и среди них были курляндские торговые суда, ходившие под двухполосным флагом – красно-белым.

В Эльсиноре взяли свежего мяса, зелени и нового лоцмана – знающего южную Балтику, по имени Андерс Ведель. Он был датчанин и взялся довести до Либавы с тем условием, чтобы его представили герцогу. Моряки уже поняли, что служить курляндцу и почетно, и выгодно, – кораблей он строит много, и ты, начав со скромной должности, можешь подняться весьма высоко. Веделю было сорок лет – возраст, когда уже накоплен опыт, но впереди еще двадцать лет службы новому господину, который этот опыт оценит. К тому же лоцман

собирался, если поладит с герцогом, жениться в Курляндии на местной девице и завести детей.

При Веделе был его родственник, который тоже хотел найти в Курляндии применение своим талантам. Этого звали Арне Аррибо, а ремесло у него было необыкновенное – повар и поэт в одном лице. Он сочинил кулинарную поэму на латыни, в гекзаметрах, и желал посвятить ее герцогу Курляндскому. Такая образованная личность показалась занятой графу ван Тенгбергену, и он упросил капитана Довсона взять чудака на борт.

Довсон высказался в том смысле, что теперь на флейте недостает лишь балаганщика с кукольным театром, все прочее уже есть в избытке. Но спорить с графом не стал – это все равно, что ссориться с самим герцогом.

К тому же повар знал, как угодить команде: он вез с собой целый сундук с пряностями и щедро поделился с корабельным коком Гансом. При этом он, отсыпая перцы и гвоздику в мешочки, каждый мешочек снабжал латинской цитатой из собственного произведения. Никто ничего не понимал, но круглая физиономия повара, обрамленная мелкими золотыми кудряшками, выражала такое счастье, такую радостную услужливость, что даже Довсон в конце концов ему улыбнулся. Граф же искренне веселился, читая поэму, и затевал споры о латинских склонениях и спряжениях.

Дальнейший путь был почти без приключений – разве что, проходя остров Амагер, капитан с лоцманом сильно ругались – кто-то испортил фонари, висевшие на столбах у деревни Драгер, необходимые лоцману, чтобы успешно пройти между мелями. Но все же благополучно дошли до мыса Стефенс у южного входа в Эрессунн и вскоре вздохнули с облегчением – перед флейтом расстилалось Балтийское море. Там «Три селетки» ждало последнее испытание – редкая в этих широтах ночная гроза над морем, с проливным дождем и яростными молниями. С рассветом гроза кончилась, и по левому борту показался Борнхольмский маяк.

* * *

Чем ближе был Либавский порт – тем больше бодрости прибавлялось у Анриэтты. Она уже не заглядывалась на танцовщиков, и Длинный Ваппер напрасно на нее тарачился – свидание в каюте должно было стать

единственным и неповторимым. А совсем она приготовилась к атаке, когда капитан Довсон показал подзорной трубкой на еле видный вдаль, почти слившийся с водой берег, каким-то образом опознав в его шероховатостях Либавский порт.

– Начинается! – сказала Анриэтта по-французски. – Ну что ж, любезная сестрица, соберемся с силами и весело пойдем в атаку. Лишь бы их герцог не оказался грязнулей. Остальное я ему готова простить, даже скупость! Но немытые ноги и вонючие чулки – о боже, нет, хоть бы его преосвященство грозился Бастилией!

– У нас хватит денег, чтобы купить ему новые чулки. Это будет нашей первой покупкой в Либаве.

– А счет за чулки мы отправим в Париж!

Анриэтта веселилась и глядела вдаль с торжествующей улыбкой, но Дениза знала, что у нее за такими улыбками скрывается. Рано утром, когда все вещи были собраны и оставалось лишь дожидаться графа ван Тенгбергена, Анриэтта вдруг спросила, глядя на баулы и сундук:

– Господи, когда же все это наконец кончится?

Дениза хотела было ответить «никогда», но промолчала. Две женщины на службе его преосвященства не могли рассчитывать даже на спокойную старость в каком-либо из провинциальных монастырей. Обе они слишком много узнали за последние годы – и обе знали, что после того дня, как кардинал перестанет нуждаться в их услугах, вряд ли долго проживут. И даже скопленные деньги не помогут – разве что уплыть в Америку, в Бразилию или в Парагвай, спрятаться среди совершенно чужих людей. Но ведь не угадаешь, кто и где служит синьору Мазарини... разве что синьор Мазарини отправится на тот свет вместе с содержимым своей многоумной головы...

Дениза считала, что ей еще повезло. Верность мужу, которого она несколько лет считала убитым, пока он не объявился где-то в Шотландии, живой и невредимый, до такой степени живой, что даже обзавелся там любовницей, успевшей родить ему двойню мальчиков, – эта верность у нее, очевидно, была написана на лбу самыми крупными буквами из типографии Моретуса. Сам кардинал Мазарини разобрал этот отчетливый шрифт и не давал ей особых

поручений, связанных с амурными подвигами. Ему было довольно того, что Дениза всюду сопровождает Анриэтту – а уж той можно было много что поручить. Они стали незаменимой парой: монахиня и куртизанка, преданные друг другу, как сестры.

Флейт встал на рейде, капитан Довсон отправился в шлюпке на берег – говорить с комендантом порта, вернулся – и началась суэта с перегрузкой на лодки книг, танцовщиков и мартышек. Корзину с удавом Палфейн не доверил никому.

– Это такая сволочь! Если уронить корзину в воду, вы его больше никогда не увидите! – пригрозил моряк. – Можно звать, пока не охрипнешь, он и ухом не поведет! Плавают треклятая тварь лучше всякой рыбы!

И, схватив корзину в охапку, объявил:

– Ноша, удобно взятая, – половина ноши!

Пока перетаскивали багаж – наступил вечер. И ровно в тот миг, когда последний ящик выгрузили на пирс, огромное красное солнце, своим цветом предвещавшее завтрашний ветер, коснулось края воды, и к берегу побежала дрожащая парчовая дорожка.

Наконец все оказались на причале и озирались в некоторой растерянности – новое место, не дай бог зазеваться и отстать от своих.

– И это порт? – спросила Анриэтта. – Боже мой, во Франции каждая деревушка у пролива имеет такой же, если не лучше. Отчего мы пришли сюда? Ведь даже неизвестно, есть ли тут гостиница! Наверно, мы будем ночевать, сидя на сундуке! Если порт у них таков, то на что похожа дорога от Либавы до Митавы? А у нас тут нет сносного экипажа!

– Пришли по приказу его высочества, – ответил граф. – Герцог платит за судно – он и решает, в какой порт идти. Да это и не весь порт – он был больше и расположен был удобнее, в устье реки, пока и его, и реку не завалили блуждающие пески. А пески появились, когда для нужд города по глупости был вырублен окрестный лес...

– Разве это город?..

– Город, сударыня, и с прекрасным гербом – в синем поле стоящий на задних лапах золотой лев с высунутым красным языком и двойным поднятым хвостом; лев опирается передними лапами о стоящую подле него, вправо, зеленеющую липу...

– Лев! Наверно, в счет каких-то будущих заслуг!

Спорить с возмущенной Анриэттой граф не рискнул. У него хватало забот – нужно было сразу отправить гонца с письмом в Митаву, где, по его мнению, находился двор; впрочем, гарантии, что деятельный Якоб сидит безвылазно в своей столице, не было. Герцог любил городок Гольдинген, в котором родился, часто навещал Виндавские верфи, мог оказаться в любом богом забытом углу своих владений лишь потому, что там сгорела смолокурня. Кроме того, нужно было благоустроить бегинок, танцовщиков, мартышек, удава и поэтического повара с прозаическим лоцманом, пока его высочество не сообщит, куда весь этот табор везти.

Граф, отправляясь в дорогу, еще не знал, сколько человек составят его свиту, и менее всего предполагал, что по доброте душевной возьмется доставить к герцогскому двору двух бегинок со скверными привычками – они желали в любой обстановке получать теплую воду для умывания и горячую пищу. Не то чтобы граф ходил чумазый – но он доверил все эти мелкие заботы верному Яну и понятия не имел, откуда берутся свежие рубашки, что же касается воды – летом можно умыться и холодной, заодно и взбодрит с утра.

* * *

Весь груз, предназначенный герцогу, был расставлен на причале в ожидании подвод, и матросы, которых капитан Довсон отрядил в помощь графу, вместе с Андерсом Веделем и Арне Аррибо сидели на ящиках с книгами, глядели на закат, курили фаянсовые трубки, когда-то бывшие белыми, и весело рассуждали о пройденном пути и о кораблях, стоявших на рейде. Анриэтта и Дениза, недовольные тем, что пришлось напрасно возиться с белыми покрывалами, прохаживались по пирсу, критикуя все, на что падал взгляд.

– Нет, это еще не гавань, – рассуждали моряки, – какая гавань, если негде укрыться от бури? Одна видимость! То, что в здешних краях море, может, всю зиму не замерзает, похвально, а только оставаться в любую погоду на рейде – отвратительно. А коли нет природной гавани, одни лишь дюны, сколько хватает взгляда, то нельзя ли приспособить под гавань здешнее озеро? Прорыть от моря канал – и получить отличное укрытие! Озеро огромное, всем места хватит... и поставить волнорезы... А сколько там рыть-то? Да полмили, пожалуй... неужто у герцога не найдется землекопов?.. А мастеров, знающих толк в каналах, нанять в Соединенных королевствах... не надо быть мастером, чтобы использовать для канала устье ручья... а почему бы не вырыть два канала, на севере и на юге, в один – входить, в другой – выходить? И не толкаться, как на рынке локтями?..

Моряки засмеялись и стали пихать друг дружку, показывая, как не могут разойтись в узком месте два пузатых флейта.

Дениза, разумеется, к этим рассуждениям не прислушивалась – а если бы даже прислушалась, не все бы поняла. Но, повернув вместе с Анриэттой, она увидела, что к ящикам крадется некий человек, моряки же сидят к нему спиной и мило разглагольствуют.

– Полюбуйся, – сказала она Анриэтте.

– Вор, – сразу же определила Анриэтта. – Идем скорее, пока у этих бездельников не вытащили ящики из-под их толстых задниц.

– Гляди, еще один...

– Сколько же их тут?

Вора, крадущегося к ящикам, среди которых был и большой походный сундучок графа, бегинки видели со спины, а вот его товарища – в профиль и отметили приятные черты лица, темные волосы, довольно короткие, такую же темную бородку и особенную легкость в движениях: он перебежал от сложенных на причале досок к ряду бочек и затаился за ними, опустившись на корточки и не сводя взгляда с сообщника.

– Я крикну им, – решила Анриэтта.

- Не надо!

Неведомо откуда на причале появились граф ван Тенгберген и Ян. Они заметили воровские маневры, и граф поспешил на выручку к ящикам.

А дальше разыгралась сценка, которая сильно удивила Денизу и Анриэтту.

Видимо, граф окликнул вора - тот даже подпрыгнул, повернулся к нему, и меж ними произошел очень быстрый обмен любезностями. Моряки еще только поворачивались, чтобы посмотреть, кто там ругается, а вор ударил графа ногой и, видно, знал, куда бить, - граф сел на сырые доски причала. Ян бросился его поднимать, а моряки, аккуратно положив трубки, пошли брать вора в плен. Но тут взялся за дело темноволосый красавчик. Кулаки у него, как видно, были железные. Он уложил двоих, товарищ его сбросил в воду самого бойкого из моряков, и оба побежали прочь. На бегу они о чем-то договорились и кинулись в разные стороны. Догнать их было невозможно.

- Боже мой, он сломал ногу, этого еще не доставало! - воскликнула Анриэтта. - Идем скорее!

Когда они подбежали, граф уже сидел на ящике, а Ян кричал на моряков. Вид у них был смущенный.

- Что с вами, сеньор? - по-испански осведомилась Дениза. - Нога цела?

- У нас в бауле есть хорошая мазь от ушибов, - по-испански же добавила Анриэтта.

- Ничего, сеньоры, это было так неожиданно... И я не мог обнажать шпагу против этих несчастных! - пылко воскликнул юный граф. - Они убежали, и Бог им судья. Они не вернуться...

- А может, и вернуться, раз поняли, что наши вещи никто не охраняет, - вставил сильно недовольный Ян, тоже по-испански.

- Кто знал о том, что вы, сеньор, везете с собой драгоценности для герцога? - вдруг спросила Дениза.

– Весь Антверпен, сеньора. Я ведь вел переговоры не с одним ювелиром... Но?.. – граф явно был очень удивлен.

– Я боюсь, что за вашим ящиком с бриллиантами следили от самого Антверпена. Каким-то чудом вам, сеньор, удалось его благополучно погрузить на корабль. Тот, кто проводил нас до Гааги, ухитрился сесть на судно, выходившее раньше, – может, он по ремеслу матрос, а может, просто знаком с матросами, и они замолвили словечко капитану. Он опередил нас и ждал тут, когда мы утратили бдительность. Утащить их в Либаве, где у него, возможно, есть друзья или даже сообщники, как видите, было бы нетрудно!

– Сеньора, сеньора! – пытался вставить хоть слово граф.

– И, возможно, в тот же день отправить их обратно в Гаагу. Или в любой другой город! Сеньор, нужно узнать, не собирается ли сейчас выходить в море хоть какое-то судно!

– Зачем? – удивился граф. – Ведь бриллианты герцога не пострадали.

Дениза вздохнула.

– Затем... затем, чтобы убедиться в верности моего предположения, сеньор. Если это так – значит, вор очень правильно все рассчитал, и только ваше мужество, сеньор...

– Не хотите ли вы, сеньора, чтобы я преследовал этого человека?

– По-моему, тут нужно докопаться до правды, – вмешалась Анриэтта. – Вор может еще раз рискнуть.

– Нет, мои прекрасные сеньоры. Я не стану преследовать вора. Тем более что он ничего не украл. Он несчастный человек, сеньоры, и нуждается в сочувствии...

– И в покровительстве! – выпалила Анриэтта. – Как эта девчонка Грит! Господи, есть ли в сей земной юдоли существо в юбке или наделенное пороками, которое не нуждается в вашем покровительстве, граф?

– Зачем вы меня обижаете? – спросил граф. – Разве я сделал вам плохое? Разве не служил вам, как истинный рыцарь?

– Да, вы и есть истинный рыцарь, – сразу подтвердила Дениза. – Под вашим покровительством, сеньор рыцарь, две странствующие дамы в полной безопасности.

При этом она тихо дернула за юбку Анриэтту, чтобы та не вздумала противоречить.

– Я дал себе слово, что буду вашим покровителем во все время путешествия, мои сеньоры, – сказал по-испански граф, причем довольно высокомерно и без тени улыбки. – Я не привык нарушать слово.

– В наше время это редко встречается, – кротко ответила Анриэтта и добавила: – Сеньор рыцарь...

Граф улыбнулся.

– Я главное забыл сказать вам, сеньоры, – сказал он. – Хозяин корчмы, где нас ждут, сейчас пришлет телеги. А вам придется пройти пешком, да это ведь совсем близко. Маартен!

– Господин граф? – спросил моряк, графский знакомец.

– Возьми фонарь, проводи дам к «Под липами» и возвращайся. Или вам угодно любоваться закатом, сеньоры?

– Закат уже кончился, – глядя на краешек солнца, отвечала Анриэтта. – Мы пойдем и будем ждать вас, сеньор. Надеюсь, наши вещи...

Дениза опять дернула ее за юбку.

– Сейчас, при господине графе, нашим вещам ничего не угрожает, – сказала она. – Идем, сестрица.

Моряк зажег фонарь и пошел с ним впереди, Дениза и Анриэтта – следом. Они опять перешли на французский.

– Или воры охотились за герцогскими бриллиантами, или – за нашими баулами. Бриллианты – это еще полбеды. Но кто бы мог выслеживать тут нас? – спросила Дениза.

– Тот, кто догадывается о нашем поручении.

– А для чего?

– Чтобы нам помешать.

– А кому выгодно нам мешать?

– Вот этого я не знаю. Что об этом писал синьор Мазарини?

– А в том-то и дело, что даже в письме, запечатанном пентаграммами, он врагов называть не стал. Он только поставил задачу – приблизиться к герцогу настолько, чтобы у него не было от нас секретов, и блюсти интересы французской короны и французской торговли. Ну и, разумеется, отсылать к нему донесения через Брюссель. Может, он сам еще не знает, кто наш враг.

– Подождем. На месте разберемся, что к чему.

– Подождем. И вооружимся.

– Верно. Если в письме не было прямых указаний, значит, скоро будет другое письмо. С приветами от парижских каштанов... Только – знаешь ли? Что-то мне кажется странным и нелепым этот рыцарский роман, который вы с графом разыгрываете.

– Мне самой он кажется странным и нелепым, – призналась Дениза. – Но каждый из нас, грешных, играет какую-то роль. Графская – еще не самая худшая. Лишь бы он не взялся оборонять нас от ветряных мельниц и драконов. А такое желание у него есть...

– Помнишь – ты говорила, что он не тот, за кого себя выдает? Очень легко сыграть роль рыцаря – довольно прочесть Корнелева «Сида».

– Это самая простая из ролей, – согласилась Дениза, – если запомнить наизусть и высказывать к месту небольшое количество глупостей. Кардинал не мог предусмотреть, что граф станет нашим покровителем. Будем внимательны и осторожны...

В корчме «Под липами», которую граф считал гостиницей, им отвели единственную отдельную комнату. Час спустя прибыли баулы и сундук. И бегинки наконец-то улеглись в постели, которые не ходили ходуном и не вставали дыбом по десять раз за ночь.

В ожидании ответа от герцога Якоба граф нанимал подводы и экипаж, так что через неделю, когда привезли письмо, образовался целый обоз. Бегинки всю эту неделю отдыхали, гуляли, сопровождаемые танцовщиками, и, сидя во дворе корчмы под большими липами, читали друг другу вслух «Хромого Беса» на испанском языке и пытались разгадать намеки автора на неведомые мадридские события.

– Мои сеньоры, нас ждет развлечение, – сказал граф, появившись во дворе с распечатанным письмом. – Во-первых, его высочество приказывает ехать в Митаву. А во-вторых, в Митаве мы увидим московитов. Вы когда-нибудь встречали московитов?

– Только на гравюрах, – ответила Дениза.

– И я тоже.

– Но что понадобилось московитам в Митаве? – удивилась Анриэтта.

– Насколько я понял, привезли подарки от своего царя. Вы же знаете, сеньоры, дипломатия вынуждает королей и герцогов обмениваться дарами...

– Представляю эти дары! Хотя, если они привезли белых медведей или, по крайней мере, шкуры белых медведей!.. – Анриэтта сразу стала мысленно приспособливать роскошную шкуру в своей воображаемой спальне, которую

надеялась когда-нибудь, после смерти Мазарини, устроить в тихом провинциальном французском городке.

– Соболей они привезли! Это гораздо лучше! Помнишь, ты хотела соболиную муфту?

– У меня будет соболиная муфта! Знаешь, это дело начинает мне нравиться!

– Я слыхала – они дарят соболи шкурки связками, а в каждой – по сорок штук.

– Сорок штук! Это же зимняя накидка! Но, знаешь, если только соболя – это получится очень мрачная накидка... или лучше казакин с белой оторочкой? И соболий капор?

Они искали применение для мехов, которые герцог вскоре подарит Анриэтте, пока граф не отошел, чтобы отдать распоряжения.

– Так вот оно что – москвиты, – сказала шепотом Дениза.

– Его преосвященство вряд ли интересуется мехами...

– Пожалуй, и мехами тоже...

– Теперь я начинаю понимать...

Но разговора не вышло – во двор был подан экипаж, а тогда пришлось следить за тем, как увязывают багаж. Все делалось не так, плохо, неловко, неудобно, Анриэтта раскричалась. Дениза понимала, что с ней творится, – близилась встреча с герцогом, и подруга заранее злилась на весь белый свет. Наконец обоз из шести телег и одного экипажа двинулся в дорогу. Граф раздобыл для себя и Яна лошадей и возглавил обоз с большим достоинством. Дениза пошутила, что ему недостает лишь рыцарского копья в руке и шлема на голове. Граф на это отвечал, что и без копья сумеет защитить прекрасных дам.

– Хорошо бы заснуть в Либаве, а проснуться в Митаве, – сказала Анриэтта. Она была очень недовольна – пришлось взять в экипаж Дюллегрит, а танцовщики расселись на подводах. С ними были лоцман и повар. Дениза

охотнее взяла бы в экипаж повара, умевшего презабавно читать латинские вирши и воображавшего себя вторым Горацием. По крайней мере, смех бы скрасил дорожные тяготы. Но поэтический повар не проявлял к бегинкам особого интереса. Его в пути больше привлекала мужская компания.

* * *

Дороги в герцогстве оказались прескверные, да еще проливной дождь вмешался, – до Митавы добирались почти неделю.

Когда миновали Добельн, граф ван Тенгберген послал вперед Яна, доверив ему обязанности квартирьера.

– От Добельна до Митавы менее пяти лье, – сказал он Анриэтте и услышал в ответ:

– Лучше бы мы пошли пешком – скорее оказались бы там, чем в этой грязной колымаге!

Граф не нашелся, что ответить, и молча отъехал от экипажа.

– Потерпи, милая, еще два часа – и мы наконец разденемся, – утешала Дениза сердитую подругу, пока старая карета колыхалась на ухабах и колдобинах. – Граф обещал нам комнату в лучшей гостинице – надеюсь, хоть там-то она получше придорожного притона... Гляди! Нас, кажется, встречают!

Анриэтта высунулась в окошко и увидела вдали всадников.

– Что за странные люди! Погоди! Так это и есть московиты? – удивленно спросила она.

– Кажется, да...

Отряд из семи человек приближался к обозу. Двое были одеты прилично – в шляпы, хотя и без перьев, в темные колеты, широкие штаны, высокие сапоги. Прочие выглядели причудливо – небольшие шапки с отворотами, яркие длинные

кафтаны, прикрывающие ноги, так что даже неизвестно, есть ли на всадниках штаны, и разноцветные сапожки с загнутыми вверх носками – у кого красные, у кого зеленые, у кого и желтые, без малейшего понятия о хорошем вкусе и гармонии. Кроме того, все они были бородаты.

– Гравюры врут! – воскликнула Анриэтта. – На гравюрах нет этих жутких сочетаний – боже мой, пестрые сапоги!..

– Да, этих господ черно-белыми не назовешь, – согласилась Дениза, – и их не гравюру изображать, а какому-нибудь подмастерью Франса Хальса, из тех мальчишек, что пытаются подражать итальянцам.

– И из-за этих уродов мы потащились на край света...

– Что делать, милая, такова судьба.

Глава четвертая

Человек, который затеял в порту драку и ловко ушиб графскую ногу, где-то раздобыл лошадь – необычного для здешних краев вида, невысокую, крепкую, с мощной шеей и торчащей вверх на три вершка гривой, со здоровенными копытами, – и широкой рысью несся в сторону Митавы. В седле он держался отменно – казалось, мог сутками наземь не сходить, да и вороной конек был под стать хозяину – резвый и неутомимый.

При свете дня уже можно было разглядеть его сытую щекастую физиономию, с коротким и прямым, но задранным вверх носом, с хитрющим прищуром серых глаз. Левый глядел на летний полдень из порядочного черно-синего пятна, но всадника это не смущало. По русскому обычаю он был бородат и усат, но и усы имели особенный бойкий вид – так удачно подкрутил он самые кончики. Бороду же подстриг покороче, хотя и длиннее, чем носят местные жители, – не боярин, чай, и при загадочном ночном образе жизни борода по пояс весьма обременительна. Борода была чуть темнее прямых и густых русых волос, падающих на лоб конской челкой, усы же, наоборот, чуть светлее. Такая странная расцветка немало веселила московских девиц, перед которыми он,

и двух месяцев не прошло, хвастался молодечеством, гордой выступкой, сдвинутой набекрень шапкой. Да что с девок взять, они и вообще смешливы, а московские – в особенности.

Кроме лошади, он нашел и приятеля, с которым на бегу расстался в порту, – темноволосого и темноглазого, с точеным лицом, такого же бородатого, на вид – красавчика, одних с собой лет – двадцать пять уж стукнуло, юность миновала, а до тридцати время еще есть. Этот красавчик, тоже на крепком вороном жеребчике, скакал за ним чуть ли не след в след. Оба молчали, словно боялись выговорить слова, предназначенные для какого-то важного дела.

Путь был долгий, приходилось съезжать с дороги, устраивать отдых на лесной опушке, за кустами, кормить коней овсом из торб и самим кормиться – сухарями, орехами и простой водой из фляжек. Но и тут оба дулись друг на дружку и, жуя, глядели в разные стороны.

Эти всадники объехали Митаву с юга, ни у кого не спрашивая дороги, просто огибая недавно выстроенные герцогом укрепления, и отыскивали домишко на самой окраине форбурга.

Домишко в одно жилье был выбран москвитями потому, что к нему прилегал огород, а за огородом виднелась сквозь кусты река – Курляндская Аа. Там, на берегу, можно было поставить шатры для сокольников и наладить охрану.

Сокольников же ждали со дня на день. По государеву приказу были отобраны отменные птицы для подарка курляндскому герцогу Якобусу – в знак истинного дружества. Тот лишь, кто знал, как государь Алексей Михайлович любит соколиную охоту, мог оценить щедрость, искренность и все надежды, с дружеством связанные.

Эту страсть государь унаследовал от деда, который был отменным охотником и, даже насильно постриженный во иноческий чин, тосковал об утехах отъезжего поля. Ему шел уже пятый год, когда дед, патриарх Филарет, скончался. Может статься, он своими историями и соблазнил внука-царевича – а детские впечатления, как известно, самые стойкие. Сын, царь Михаил, на охоту выезжал редко и ловчим птицам предпочитал псов, но соколам приходилось уделять внимание – эта птица имела дипломатическое значение. Когда господа из голштинского посольства, выезжая на охоту, похвалялись выучкой своих птиц

и приемами своих сокольников, боярин Морозов, дядька царевича Алексея, устроил большую соколиную охоту и пригласил иностранных послов – пусть видят, что и наши сокольники не лыком шиты.

Сам себя государь называл охотником достоверным – то есть преданным этому занятию всей душой. Но, поскольку у человека, сидящего на троне, и без птиц забот хватает, за царской кречатней приглядывали двое его сверстников, с которыми он вместе рос, – Афанасий Матюшкин, двоюродный брат Алексея Михайловича по матери, и Василий Голохвастов.

Стольник Матюшкин, когда царь отсутствовал в Москве, полностью замещал его на кречатне, карал и миловал, отвечал за птиц чуть ли не головой. Сейчас же Алексей Михайлович был в военном походе.

Получив царское распоряжение, Матюшкин отобрал хороших больших кречетов, пойманных еще слетками и привезенных из Сибири и с Севера. Среди них самок и самцов было поровну, а пером они были красные, подкрасные и кропленые. Взял он для подарка и дермлигов – небольших соколов с ястребиными повадками, бьющих мелкую птицу сверху и ловящих ее в угон. Был выбран и белый ястреб.

Для перевозки птиц Матюшкин велел изготовить особые ящики, обитые изнутри войлоком, чтобы красавцы не попортили себе перьев. Везти их следовало неторопливо и бережно. Еще посылались в подарок саадаки – полные приборы, включавшие себя собственно саадак, лук, гнездо стрел и колчан.

Лук со стрелами был не только детской игрушкой – для охоты на птицу он подходил больше, чем пистолы, пищали или карабины, и герцогу везли полдюжины хороших луков бухарского и мечетецкого дела, хотя сами сафьяновые саадаки, обтянутые атласом, мастерили и вышивали золотом, серебром и шелками в Москве, там же делали стрелы на разные лады – тростяные, березовые, яблоневого, с перьем орловым, кречачьим и лебяжьим, с ушками из рыбьего зуба.

Соколиный обоз растянулся на полверсты – с собой взяли под тысячу живых голубей в клетках, а также барашков, чтобы птицы каждый день получали свежайшее мясо. Взяли также необходимое в посольстве лицо – боярина Тюфякина, который по государеву указу поднялся в путь со всем двором, опричь хором. Его сопровождали три десятка стрельцов. Время было военное, и хотя дорога шла по мирным краям, однако поди знай: сегодня мирные, а завтра там

уже стреляют.

У государя Алексея Михайловича кроме военных, денежных, семейных и охотничьих забот была еще и такая – на что употребить того или иного боярина, имеющего двадцать поколений знатных предков и гулкую пустоту в собственной голове. Происхождение обеспечивало ему место вблизи царской особы, но доверять важное дело такому потомку было попросту опасно, меж тем он со всей своей родней домогался чинов и строил козни тем людям государева окружения, кто служил честно и приносил пользу.

Одним из таких наследников давней славы был князь Фалалей Тюфякин. Сей боярин отличался среди прочих, как великолепный астраханский арбуз среди россыпи мелких невзрачных яблочек. Был он вельми чреват и чрево свое лелеял. Еще и не во всякий храм Божий мог он войти, гордо неся это чрево; те, куда приходилось вдвигаться боком, князь не жаловал. Кроме того, он отрастил знатную бороду, шириной во всю грудь, из чрезвычайно жесткого и прочного волоса – когда князь задирает голову, показывая вопрошающим, что ищет мудрого ответа на потолке, борода торчала вперед негибаемо чуть ли не на аршин; коли не на аршин, так на десяток вершков непременно.

Красотой чрева и бороды Тюфякин очень гордился и наряжался дороже молодых щеголей. Это его качество и привлекло внимание государя. Алексей Михайлович знал, что у князя есть шубы побогаче царских, и набалдашник его трости – цены невероятной, и коли продать перстни с его пальцев – можно войско снарядить. Поэтому князь Тюфякин был выбран для соколиного посольства к курляндскому герцогу. Смысл посольства был только в торжественном вручении птиц и царской грамоты, к ним прилагаемой, для серьезных переговоров с герцогом у государя другие люди есть, умные и проницательные. А в боярской свите совершенно затеряется неприметный Шумилов, имеющий особые поручения.

Подъячий Арсений Шумилов выехал вперед с немногими людьми, чтобы все подготовить для птиц – им следовало отдохнуть с дороги и приобрести бойкий и довольный вид, прежде чем стать герцогской собственностью. Было ему и кое-что иное велено – разведать насчет портов Курляндского герцогства, много ли туда приходит грузов, много ли отправляется оттуда, велик ли герцогский флот, какие суда строятся и где; откуда везут нужное кораблям железо; наконец, какие цены платят герцогу за новые суда англичане и французы. Алексей Михайлович, не дожидаясь того времени, когда у России будет свой выход к Балтийскому морю, давно уж замышлял держать свой флот в курляндских

гаванях, а дальше – как Бог даст; а если Бог даст взять приступом Ригу, то все равно ведь свой флот понадобится. Для этого нужно было очень разумно провести переговоры с его высочеством, владея всеми сведениями, а не верить всякому лукавому слову ловкого и по-европейски образованного дипломата Якоба.

Да и третье было велено. Война ожидалась причудливая. Сейчас поляки отбивались и от русских, и от шведов. Со вступлением в войну России шведам предстояло драться и с поляками, и с русскими. А русским, соответственно, и с поляками, и со шведами. Так что Шумилов должен был по мере сил выяснять, кто и как переманивает на свою сторону курляндского герцога, которому, с одной стороны, воевать не с руки, потому что владения малы, да и эти защитить он не может – не в армию вкладывает деньги, а в строительство и флот. А с другой стороны – его кузни, смолокурни, оружейные мастерские и корабли станут для союзника заметным подспорьем.

Всадник с подбитым глазом первый подъехал к дому (дивному, на его взгляд, дому, смотревшему окнами прямо на улицу – кто хошь залезай и хозяйничай!) и постучал в частый оконный переплет. Изнутри ему дали знак, он спешился и подошел к двери, также выходившей на улицу. Эта немецкая глупость была уму непостижима – как прикажете сей домишко охранять? То ли дело на Москве – дом в глубине двора, по двору с заката до рассвета гуляют псы; ни к имуществу вор не подберется, ни к дурам-девкам.

Дверь ему отворил старый шумиловский дядька Клим Ильич, которого подьячий взял с собой в поход ради его великой верности – да и чтобы оставшаяся дома на Москве матушка была спокойна за сына.

– Слава те Господи! – воскликнул он. – Ну что? Разведали?

– Все как есть разведали, а теперь корми нас, дяденька, оголодали – мочи нет! – весело сказал всадник с подбитым глазом. – Холоден, голоден – царю не слуга!

И щегольски, перекинув прямую ногу через конскую шею, соскочил наземь, даже не коснувшись рукой седельной луки.

– С голоду брюхо не лопнет, только сморщится, – отвечал Ильич, высматривая второго всадника. Тот спешился подальше и не столь бойко.

- Опять? - строго спросил дядька.

- Да Клим же Ильич! Сил моих больше нет - слова ему поперек не скажи! Боярыня на сносях - пляши вокруг него да желания угадывай! А я человек простой, что на уме - то и на языке!..

- Помолчи ты. Петруха, поди сюда! - позвал дядька, и темнобровый насупленный Петруха подошел с конем в поводу. Ильич посмотрел, как молодцы отворачиваются друг от дружки, и тяжело вздохнул.

- Кто тебе, Ивашка, рожу-то изукрасил? - спросил наконец.

- Кабы я знал! Но и я на руку охулки не положил! Он, поди, там долго на карачках ползал, зубы собирал! - гордо ответил Ивашка. Тут Ильич вздохнул еще раз - не столь шумно, с заметным облегчением.

Того только не доставало, чтоб молодцы, посланные в Либаву с особым поручением, задрались и друг друга покалечили. Милостью Божьей обошлось!

- Петруха, ступай с конями под навес! Там Якушка в сене спит, растолкай, да чтоб хорошенько поводит бахматов. А ты, Ивашка, входи, - велел Ильич, - да не топай, как жеребец. Арсений Петрович отдыхать изволит.

- Да дело ведь спешное! Один? - Ивашка достал из седельных ольстров пистоли и, не глядя, передал конский повод Петрухе.

- Пока один.

И оба разом вздохнули. Плохо это было - что Шумилов сидит в светелке, никого к себе не допуская, и горюет. Даже если прячется, ссылаясь на обязательный для русского человека послеобеденный сон. Ильич понимал, что никакого сна там и в заводе нет, но идти против дедовского обычая не смел.

Ивашкино веселое нахальство тоже как-то попритихло, он скорчил унылую рожу и покивал. Плохо, что Шумилов сидит один, очень плохо. И управы на него, на дурака, нет - много чего привезли с собой в Курляндию, попа взять не догадались. Ближайший поп, который может вразумить, - в Друе,

при воеводе Афанасии Лаврентьевиче Ордине-Нащокине.

Одну пистоль Ивашка засунул за кушак, вторая осталась в руке.

Подошел Петруха, тоже с пистолями. И оба встали перед дверью, глядя друг на дружку исподлобья – оба сразу войти первыми не могли, а быть вторым никто не желал.

Ильич посмотрел на молодцов, укоризненно кивая.

– Петруха, заходи, – сказал он и сам вошел первый.

Ивашка, обидевшись, чуть было не остался на улице, но торчать с пистолями напоказ было глупо – жители форбурга за московитами следят, рады будут донести, что они слоняются с оружием по городу. Дойдет до герцога и дружбе с ним никак способствовать не будет...

В горнице, где сидели и дурью маялись, играя в кости, два стрельца, Ильич пистолы отобрал.

– Давайте сюда, – велел он и уложил оружие в особые ящики. Потом Петрухе указал на табурет, а Ивашку повел к Шумилову.

Дверь светелки была закрыта.

Некоторое время Ивашка с Ильичом стояли, глядя друг на друга: кто-то должен был первым побеспокоить Шумилова. Наконец Ивашка почесал в затылке, отчего шапка, и так надетая набекрень, съехала на левое ухо.

– Нехристь, – проворчал Ильич, осознав, что парень толчется в доме, не сняв уличного головного убора. – Не задремал ли соколик мой?..

– Так Клим же Ильич!..

– Ну, коли по спешному делу... ступай уж...

- По спешному делу, дяденька!

Шумилов сидел в комнатухе, где места хватало лишь для стульев, небольшого стола да диковинной кровати, вывезенной когда-то из Голландии. Такой мебели Ивашка тоже не понимал: ящик, а не кровать, и влезать туда надобно с особой приступочки. Три деревянные стены да занавески, которые задергиваются, - и сидишь себе внутри, как в келье. Именно что сидишь - лежать в ней невозможно, разве что отроку ростом не более двух аршин. То ли дело на широкой и длинной, во всю стену, лавке, подстелив войлочный тюфяк! Даже не сразу догадаешься, как в этом склепе с бабой управляться.

Подьячий имел ту самую внешность, с которой можно замешаться в любую драку - а потом, при розыске, никто связно не сможет описать молодца. Волосы он имел обыкновенные, русые, бородку с усами - им под стать, лицо худое, бледное, нос прямой, глаза, очевидно, серые. Особой ширины в плечах не замечалось, дородства - ни малейшего, в придачу ноги кривоваты, словом - красавцем не назовешь, да еще неприятная повадка - сжимать губы таким образом, что в этой их складке сразу читалось презрение со скукой и недовольством, такое вот малоприятное сочетание.

Сейчас он занимался важным делом - учился бегло писать знаки затейного письма, придуманного еще покойным государем Михаилом Федоровичем. Знаки были заковыристы и один на другой сильно похожи - чуть не так проведешь тончайшую волосяную линию завитка, и смысл погублен.

- Арсений Петрович, - позвал Ивашка. - Изволите выслушать?

- Вернулись, - тусклым голосом отвечал Шумилов. - Вот и слава Богу.

Тут лишь Ивашка вспомнил, что и в первой комнате лба не перекрестил - не на что было, взятых с собой образов там не повесили, и в этой не успел, хотя образ Пресвятой Богородицы - вон он, на стенке, приспособленный кое-как. Он горестно вздохнул, сдернул шапку и беззвучно восславил Господа за свое успешное возвращение из Либавы.

- Все, что велено, посмотрели? - скорбно спросил Шумилов.

– Все суда видели, а было их немного, – доложил Ивашка. – А насчитали полтора десятка, из коих одно в тот же день отчалило.

– Садись, записывай.

Ивашка, детина здоровый, положил шапку на подоконник, по московским меркам – неприлично низкий, мужику по пояс, кое-как примостился за столом на ненадежном стуле – то ли дело лавка в приказе, да еще с мягким полавочником, а то еще можно овчину подложить. Он взял чистый лист из стопки (бумага была хорошая, плотная, лучше рыхлой приказной), взял очиненное перо (Шумилов усмирять свою тоску тем, что давал мелкую работу рукам, и очиненных перьев в оловянном стакане торчало десятка четыре), подвинул поближе чернильницу из походного прибора и задумался.

– Ну? – спросил подьячий.

– Ну... с мыслями соберусь...

Но то-то и была беда, что мыслей о кораблях у Ивашки не имелось. Все мысли остались в голове у Петрухи Васильева. А Петруха неведомо на что обиделся и дулся всю дорогу, ни словечка не сказал.

В недобрый час пришло на ум начальству соединить этих двух в пару для выполнения заданий: Ивашку, имевшего отменные способности к языкам и собственный язык вроде коровьего ботала, что блямкает как попало, и Петруху, знатока всевозможных заморских судов.

Ивашкины дарования выявились случайно и не совсем благопристойно – он еще парнишкой помогал объясняться с иностранцами девкам, которых звали в Немецкую слободу для известной потехи. Там жили главным образом немцы, но попадались и цесарцы, и голландцы, и французы, и англичане. На Ивашку обратил внимание некий полупьяный живописец, который подрядился размалевывать созвездиями и аллегориями потолок в доме государева дядьки боярина Морозова. Ивашка поступил к нему в услужение, надеялся взять в руки кисть с палитрой и даже тайно срисовывал фигуры из книжек, но дара Божьего к ремеслу не оказалось. Морозов, проверяя, как идет работа, тоже заметил русского парнишку, уже бойко трещавшего со своим хозяином по-немецки. Посольский приказ нуждался в толмачах, Ивашку попробовали – с голоса

переводил отменно, писал скверно. Однако упрямства ему было не занимать. Год спустя он явился в приказ и попросил, чтобы его испытали вдругорядь. На сей раз дело выгорело – в толмачи его взяли.

Кроме немецкого и французского, он взялся учить голландский и шведский – не сам додумался, а добрый боярин Морозов, которому Ивашка за вовремя замолвленное словцо поклонился в Новогодье большим и дорогим пирогом с осетриной, подсказал. Но приказный труд оказался не столь привлекателен, как мерещился издали. Не каждый день веселились и ужасались, когда кому-то доставалось переводить: «В галанской земле рыбники видели чудо в море – голова у него человеческая, да ус долгой, а борода широкая. Чудо под судно унырнуло и опять вынырнуло. Рыбники побежали на корму и хотели его ухватить, и он опрокинулся. И они видели у него туловище, что у рака, а хвост у него широк...» Трудились, почитай что не ведая вольной воли, по все дни, включая даже церковные праздники, дневали и ночевали в приказе, сидя по десять человек в ряд на лавке за длинным столом. Для человека разговорчивого этакое бессловесное сидение было хуже всякой церковной епитимьи.

С Шумиловым Ивашку послали потому, что был самым младшим – прочие толмачи уже боялись зады от лавок оторвать, а этот только и искал приключений на свою голову, мог на торгу так сцепиться языками с купчишкой, что вскоре народ земских ярыжек звал – разнимать драчунов. Числились за ним и серьезные дела – ездил по государеву делу в Лифляндию толмачом вместе с конюхами Больших аргамачьих конюшен; к общему удивлению, никому и ничего про эту поездку не рассказывал; о том, что конюхи исполняют всякие заковыристые поручения, в приказе знали и с расспросами не приставали.

А Петруха Васильев угодил в Курляндию случайно. Хотя какие-то странствия ему были на роду написаны. Отец-вологжанин в молодости что-то такое натворил, отчего бежал на юг, дошел до самого Дона, чем промышлял на Дону – неведомо, но десять лет спустя вернулся в отчий дом сильно поумневшим и с молодой красавицей-женой, черноволосой и черноглазой, – соседи не сразу поверили, что православная. Пошли дети. Отец нанялся к купцу, чьи барки, карбасы, струги и каюки ходили по Северной Двине все лето, вплоть до половины октября, когда уж приходилось пробивать тонкий лед. Доводилось ему и сопровождать шедшие с верховьев реки груженные плоты с хлебным товаром, льном и скотом, а в Архангельске встречать голландские и английские суда с заморским товаром, закупать у поморов соленую рыбу – семгу, палтасину,

треску и сельдь, кость моржовую и тюленью, ворвань, песцовый мех и олени кожи, потом грузить на хозяйские суда и вести их обратно в Вологду – там товар на складах дожидался обыкновенно зимы и санного пути. Купец лето жил в Архангельске и занимался торговлей, тем более выгодной, что семь лет назад, после того, как англичане, взбунтовавшись, казнили своего короля, государь Алексей Михайлович запретил им торговать в России, а лишь в порту, покоряясь желаниям русских купцов. Тут-то и открылся простор для всякого рода надувательств.

Смышленный Петруха с десяти лет плавал с отцом. Корабли приводили его в неистовый восторг. Вместе с другими мальчишками он дневал и ночевал в порту, гордился знакомством с лоцманами-«вожами», примелькался – и уже иной иностранец, освоивший три десятка русских слов, давал ему поручения: сходи, позови, принеси. Лучшей наградой было – когда пускали на судно, давали за все подержаться, позволяли даже лазить по вантам и спускаться в трюм. Главным праздником – когда нанимали русских мастеров чинить судно, увязаться с ними и слушать умные речи про внутреннее устройство флейта или кофа, про их парусное оснащение и прочие милые сердцу вещи. Главным подарком – когда подвыпивший боцман-англичанин по доброте душевной выучит вязать хитрый узел: вот чем можно хвастать потом перед парнишками, а коли освоишь изумительное умение вязать узел не глядя, держа руки за спиной, так ты и вовсе герой.

Но неожиданным следствием этих подвигов была проснувшаяся в душе гордость. Петруха предвидел для себя славное будущее – не век же таскаться по Двине на чужом баркасе. Ему мерещились те страны, откуда привозят тюки с бархатом и атласом, мешки с сахаром, бочки с дорогим вином – алканом, бастром, ренским, малмазеей, романеей, мушкателью, а также олово, свинец, листовое железо, стекло и много иного всякого добра. Он знал, что не век сидеть в Вологде или Архангельске – суждено и весь свет увидеть, к тому же его несколько избаловали девки – парень лицом уродился в мать, особенно выразительными глазами.

И он уже поглядывал свысока на тех, кому в дальние края не хотелось, а хотелось жить дома, как деды и прадеды.

* * *

Архангельский торг в летнее время был похож на Вавилон – кого там только не встречали! С началом навигации появлялись голландцы, англичане и немцы из Гамбурга – в придачу к тем, что зимовали в России и настолько прижились, что заводили свои канатные мастерские и посылали знающих людей искать руду. Город уже имел свою Немецкую слободу. На ярмарку приезжали карелы, лопари, норвежцы, шведы, поморы из разных мест – кемляне, мезенцы, сумляне, но эти хоть были свои, а случалось, что добирался до Севера торговый человек из самой Персиды, брал меха, рыбий зуб, слюду, увозил это добро за тысячи верст к своему кизылбашскому шаху или еще далее. В довершение картины год назад привезли в Архангельск две с чем-то сотни пленных татар и турок, велели им строиться и жить, кормиться каким-либо ремеслом. Они и стали готовить на продажу свои сладости, которые для северян были в диковинку.

Поскольку креститься эти поселенцы не торопились, то местный народ смотрел на них косо, а молодежь затевала драки. В одну драку ввязался Петруха – а когда наутро подняли два трупа, да следы привели в тот двор, где жил вологодский купец, пришлось уносить ноги.

Петруха никого не убивал – просто ссора началась с его подначки, и это всем запомнилось, да еще за полночь прибежал приятель – искал пропавшего во время драки брата. Добрый купец решил не выдавать парня, который уже из молодцов норвил возвыситься до приказчика, и спешно отправил его не в Вологду даже, а в самую Москву с письмами и дорогими гостинцами нужным людям. Один такой знакомец сидел в Посольском приказе – следовало показать ему жалобу на английских купцов, что, вопреки государеву указу, выезжают торговать в глубь государства и перебивают торг честным русским купцам, чтобы он присоветовал чего умного с учетом нынешних отношений между государем и тем самозванцем, что в Англии заменил законного короля. Человек оказался любознательный, Петруха разговорился, поведал о кораблях, похвалился, что издали отличит голландца от англичанина по обводам судна, сразу назвал мачты и паруса. Тут-то раба Божия за ворот отвели к Шумилову, уже имевшему приказание сопровождать сокольников в Митаву. Взять в Москве человека, который понимал бы в морских торговых судах, было неоткуда, хотели уж посылать за таким человеком в Архангельск, – а тут он и сам пожаловал.

Уразумев, какое занятное путешествие предстоит, Петруха обрадовался – и первым делом сцепился с толмачом Ивашкой. Тот непутем прошелся по его немосковскому выговору – и пошло-поехало...

Виноват ли Петруха, что среди чухны заговорил, путая звонкие и глухие звуки, пуская в ход странные и непонятные слова?..

– Собрался с мыслями? – спросил Шумилов. Ивашка вздохнул – придется каяться...

Он даже не мог объяснить толком, из-за чего на сей раз надулся Петруха Васильев. Не может же быть, чтобы из-за справедливого Ивашкина замечания, что он-де, Петруха, так хорошо по-немецки не смыслит, как толмач Посольского приказа. А больше ни одного гнилого слова Ивашка себе не позволил – кроме, пожалуй, вопроса о том, какой дурак научил Петруху неправильным немецким словам. О том, что в разных немецких княжествах и герцогствах говорят на разный лад, Ивашка знал; знать-то знал, а тут, как на грех, и забыл. А Васильеву много ли надо?

О прочих своих словечках, сказанных без всякой задней мысли и помешавших на обратном пути обсудить увиденное, Ивашка успешно позабыл – но Шумилов знал молодца не первый год...

За обидчивым вологодцем послали Ильича. Тот его и привел, а к той минуте, когда Васильев вошел в комнату Шумилова, Ивашка сидел смирнехонько и только держался левой рукой за левое же ухо.

– Докладывай, Васильев, – приказал подьячий. – Ивашка, садись, записывай.

– Как твоей милости угодно, – с большим достоинством отвечал Петруха. – Либава – городишко невеликий, и порт также мал. Поставлен на косе меж морем и озером, коса – двух верст длиной...

– А ты когда посчитать успел? – удивился Ивашка и тут же съежился, ожидая подзатыльника.

– Вернемся в Москву – получишь батогов, – кислым голосом пообещал Шумилов. – Петруха, сказывай.

– Сказываю. Диво, что там порт поставили. Потому разве, что там рыбаки издавна селились. Место обжитое, торговцы завелись, народ к лодкам

привычный. А дурость большая – берег низкий, побережье – чуть не в четверть версты шириной, мелководье – разгружают с лодок, закрытой от ветров гавани нет. А ветры там дуют – летом запад и шалоник, зимой – летник. А дуют постоянно – часа нет, чтоб вода хоть малость не рябила. Когда я в дюны выходил, заметил – восток слабый, а с моря зыбь идет, лишь у самого берега затишье.

– Так и писать? – спросил, не поспевая за Петрухой, Ивашка.

– Погоди писать. Сказывай.

– Без ветра Либава не живет – зимой разве что дней с десяток наберется.

– Откуда сведения? – спросил Шумилов.

– Тамошнего моряка подпоили, – доложил Ивашка. – Он, моряк, сам – немец наполовину, по отцу, на другую половину – не разобрать кто, а лет ему за полсотни, все повидал. Сказывал, при нем Либава еще прусской была, и ее курляндский герцог перенял.

– Либава была прусским городом? – удивился Шумилов. – Ты ничего не переврал?

– Так он толковал. Он еще парнишкой был, когда город курляндскому герцогу отдали.

– Это дело надобно прояснить, – сказал Шумилов. – Ну как у прусского герцога есть на Либаву еще какие-то права? Запиши, Ивашка, особо. Петруха, сказывай далее.

– А зима там гнилая, – продолжал Васильев, поглядывая, не перевирает ли Ивашка его речи. – Снег зимой тает по два-три раза, а бывает, что вместо снега дождь льет. Ближе к весне случаются морозы. А лето там – как у нас на Двине, ни земля, ни море согреться не успевают.

– Это тоже пьяный моряк сказал?

– А как воде согреться, коли ветер не унимается? А ветер такой, что до костей пронизывает, хоть и, сдается, не нашему чета...

– Будет тебе про ветры, – буркнул Шумилов. – Про порт сказывай.

– А порт невелик. Против архангелогородского – с гулькин нос. Раньше – больше был, да песком завалило.

– Именно так, Арсений Петрович, – ответил Ивашка на недоуменный взгляд подьячего. – Моряк при мне плакался, что был-де порт велик, а пришли бродячие пески и чуть ли не все речное устье накрыли. Только то и осталось, что на побережье.

– С чего они вдруг пришли? Вы спросить не догадались? Ну как опять придут?

– Моряки так думают – мачтовый лес виноват. Он там и за дюнами, и вокруг Либавы рос, его стали вырубать, земля этого не любит. Он своими корнями песок держал, его не стало – песок с места сдвинулся. Сказывали, под Мемелем та же беда, там песком дома накрыло, по нему ходить нельзя – засосет, а коли в дом провалишься – оттуда вовеки не выберешься.

Ивашка посмотрел на Петруху с великим подозрением – вдвоем же моряка тормошили, сведения выпытывали, но он как-то очень ловко все, что услышал, вместе свел. Но старательно записал и про лес, и про Мемель.

– Стало быть, сейчас от Либавы нам проку нет, – подвел итог Шумилов. – Порт мал, стоит в неудобном месте...

– Так ведь выпадают года, в которые гавань вовсе не замерзает. Только в самые сильные морозы, а они там редко случаются. Круглый год суда приставать могут, Арсений Петрович! – воскликнул Ивашка. – Того-то нам и надобно! Это не Рига, где на Двине лед – в аршин! Санным путем в Либаву товар доставлять – и тут же его на суда грузить! Круглый год же! А зимой, по саннику, это быстрее быстрого!..

– Помолчи, Христа ради, не вопи, – сказал на это Шумилов. – Не тебе решать, чего надобно, – на то у государя бояре есть. Коли приговорят – стало, и надобно.

Вот тут Петруха и Ивашка впервые за все время после либавской вылазки переглянулись. И мысль, их объединившая, была одна на двоих: да как же можно браться за дело с таким унылым равнодушием?

– Ивашка, будешь набело писать – укажи, сколько и каких кораблей видели, какой груз они доставили. Посмотреть, сколько в городе домов, не догадались? Про мастерские узнать, про кузни? Эх вы... Васильев, помоги ему. Потом – отдыхайте, мойтесь. Дня через три, через четыре поедете разведывать в Гольдинген. Пошли прочь отсюда.

Они вышли, сильно огорченные – ни за что не похвалил.

А Шумилов начал было писать крученые знаки – да отложил перо и уставился в окошко.

За окошком был солнечный день, но душа и в этом уже не находила радости.

Глава пятая

Соколиный обоз тащился, как вошь по шубе, и шумиловские подчиненные, чтобы совсем от скуки не рехнуться, выпросились на прогулку – коней размять, людей посмотреть, себя показать. Вылазку в Гольдинген и в Виндаву Шумилов на несколько дней отложил, а для конной прогулки велел взять с собой двух местных жителей – чтобы обо всем, что подвернется, расспрашивать. Петруха позвал лодочника, с которым уже научился объясняться, Ивашка – молодого кузнеца, взяли с собой конюха Якушку, стрельцов Никитку Жулева и Митрошку Иванова. Нарядились так, что московские девки бы только ахнули, – в лучшее, пусть митавские голодранцы хоть поглядят, какие такие бывают кафтаны и сапожки.

Митавские голодранцы глядели и втихомолку пересмеивались. Даже детей не принято наряжать столь ярко. А почтенный бюргер, даже если он промышляет вольными художествами, вроде живописи, носит черное, темно-коричневое, темно-синее и освежает свой наряд лишь белым воротничком, завязки которого могут украшаться серебряными кисточками, и белыми

манжетами. Девицы и замужние женщины могут носить большие и даже причудливые воротники, белые или плоеные, зимой могут отделявать теплое платье мехом, и это – вся роскошь, которую допускает хороший вкус.

Но прогулка оказалась более долгой, чем позволил Шумилов.

Вернувшись, Ивашка тут же побежал к нему с донесением.

– Арсений Петрович, тут у нас – сам не ведаю, что такое.

– А что? – уныло спросил Шумилов.

Он как раз, по случаю жары сидя босиком, в рубахе, портах и расстегнутом зипуне, читал душеполезную книгу, «Сказание» Авраамия Палицына, о том, как иноки Троице-Сергиеву лавру от ляхов обороняли. И отчасти завидовал тем инокам – умереть на стенах обители от ляшьеи пули означало тут же вознестись в рай и встретиться там с теми, кто при жизни был мил и дорог...

– Мы ехали вокруг Митавы и на либавской дороге знакомцев повстречали.

– Я вас к либавской дороге посылал? Я просил за реку выехать – может статься, наших бы встретили.

– Так мы и думали – обогнуть Митаву с востока, а потом – вверх по реке, – бодро соврал Ивашка, в самом начале веселой прогулки напрочь забывший о соколах с соколятниками. – А там, на дороге, знакомый обоз...

– С чего у тебя в Курляндии знакомые обозы вдруг взялись?

– Так уж больно приметные людишки. Поодиночке бы куда ни шло, так они вместе путешествуют. Мы их в Либаве повстречали, только не знали, для чего они морем приплыли. Кто ж знал, что они к герцогу в гости собрались?

– И что за гости?

– Судно, «Три селетки» – ей-богу, Арсений Петрович, так и на заду у него написано! – пришло из Гааги, от голландцев, стало быть. Я голландскую

и немецкую речь разбираю, да и вон Петруха не даст соврать. А коли даст – дорого за то возьмет, они, архангелогородские, всякий обман покروют, им бы лишь бы платили!..

– Ивашка!

– Так я и говорю – нет хитрее купца, чем в Архангельске, московский против него – дитя малое. А Петруха уж наловчился...

Ивашка отскочил к двери, потому что Шумилов поднялся с быстротой, свидетельствующей о зубодробительных намерениях.

– С «Трех селедок», батюшка Арсений Петрович, сошли, окромя служителей, девять человек, три бабы и еще девять мартышек! – затараторил Ивашка. – В плетеных клетках! Бабы – две вроде монашек, у них белые платы, черные ряски, третья – молодая девка в штанах... Ты когда-нибудь девку в штанах видывал, Арсений Петрович?

– Тебе бы все про баб. Ну так что случилось?

– На пристани-то ничего особого не случилось, а коли Петруха станет врать – ты ему веры не давай! Он все меня очернить норовит, я знаю! А я всего-то навсего поблизости прогуливался, слушал, о чем моряки толкуют, а они как раз толковали о Либавском порту...

– Так ты про это писал в донесении. И я уж отправить собирался в Друю с Тимофеем и Богданом.

– Писал! Да кто ж знал, что и про тех нехристей с мартышками тоже писать надобно! Слушай, Арсений Петрович, мы их-то неподалеку от Митавы и повстречали. Они ехали целым обозом, баб посадили в колымагу, и откуда-то еще лишний человек взялся, в годах, седат и грузен, рожа – дубленая, корявая. Впереди – их старший со своим дядькой, или кто он ему там. Вот он, тот старший, мне страх как не понравился. Остальные – люди подневольные, видать, из его рук кормятся. А он годами молод, волосом... рудо-желт, что ли, он волосом?

– Мало ли таких на Москве? Волосом он тебе не угодил?

– Да пусть бы хоть зеленые те волосья были! – воскликнул Ивашка. – Не моя печаль! Но, Арсений Петрович, он прежде, чем отдать повеление, в книгу глядит!

– Какую еще книгу?

– У него под короткой епанчой к поясу кожаный мешок подвешен, вот такой, – Ивашка показал руками очертания квадрата со стороны вершков в пять. – И он то и дело оттуда книжищу достает вот такой толщины! И туда глядит, и что-то там вычитывает. Слыханное ли дело – книжку весом в три фунта всюду при себе таскать? На поясе? И не расставаться с ней нигде?! Арсений Петрович! С этой книжищей дело неладно! Книжки-то – сам знаешь, для тайных дел приспособливают!

– Да что ты так вопишь? – спросил Шумилов. – Мало ли какие дела у тех людей?

– Так Арсений же Петрович! Я за обозом вслед поехал. В Митаве те люди остановились на дворе, где проезжающих привечают. Стали устраиваться, коней выпрягать, меж собой толковать, а я тут же, рядом... Они к курляндскому герцогу едут и много всякого добра к нему везут! И книжку!

– Из Гааги?

– А черт их знает, прости Господи мою душу грешную! Судно пришло из Гааги, нарочно туда за ними ходило. И герцог их ждет. А сами они – ну... тот, старший, с бабой говорил, так я того наречия не ведаю. Не по-французски и даже не по-аглицки. Не по-шведски... хотя по-шведски там двое толковали, тот, седатый, с молодым толстым, я слышал.

– Опиши-ка ты мне сего книжника.

Ивашка уставился на потолок.

– А лет ему двадцать или чуть более, а собой тощ, долговяз, а космы ниже плеч, брит, одни усы, и те какие-то дурацкие. Будто угольком под носом провели...

- Черные, что ли? – спросил Шумилов, записывая на всякий случай.

- Нет, не черные, а вроде моих. А лицо гладкое, оспой не порченное...

- Волосы, говоришь, рудо-желтые?

- Такого слова нет, чтобы этот цвет назвать, – подумав, решил Ивашка. – Руки белые, тонкие, и он ими все время вот этак делает, – Ивашка изобразил, как умел, светскую игру кистью и пальцами, которой кавалер помогает себе выразить мысль при беседе с дамой.

- И как прикажешь сие записать?!

- Арсений Петрович, не злись, Христа ради! Что видел – про то и пою! Он человек не простого звания, не подлой породы! Господин граф! Так вот, книжка. Переплетена в черную кожу, невелика и толста. Читает он ее и скалится. Книга, значит, не про Божественное. Да и вообще он то и дело скалится... помнишь, Арсений Петрович, к нам юродивый Васенька прибился? Вот точно так же! Только у Васьки того зубов не было, а у этого все целы... покамест...

- Да что ты за галиматью несешь!

- Арсений Петрович, он с этой книжкой не расстанется! Все время она при нем! Видано ли, чтобы человек при себе такую книжищу таскал! У него и другие есть – так те в сундуке, да еще в ящиках, сказывали, их превеликое множество. А с собой одну эту таскает.

- Ты уверен?

- Уверен, – подумав, сказал Ивашка. – И еще что! С ними едет такой – дородный, одет на иноземный лад, в черное – Арсений Петрович, отчего они все в черном ходят? Наши немцы в слободе попестрее наряжаются... Молчу! Так вот – молодой, или черт его разберет, с такой толстой рожей, я чай – Петрухе ровесник... Он с тем, старшим, толковал да рукой к книге потянулся. А тот – убрал! Не тебе, значит, толсторылому, за мою книгу руками хвататься! Не дал! Вот, стало быть...

Шумилов вздохнул.

– Книжка весьма удобна, чтобы в ней письма прятать. Можно к страницам подклеить, можно в переплете скрыть... – сказал он задумчиво. – Нас такому учили...

– Так и я про то твоей милости толкую! – обрадовавшись, что подьячий наконец понял его, завопил Ивашка. – Книжку хорошо бы того... изъять да убедиться...

– К герцогу, говоришь, едут?

– К герцогу! И, вроде нас, будут ждать в Митаве его распоряжений. Может, тут дождутся. А может, поедут в Гольдинген, или в Виндаву, или куда он велит. Арсений Петрович!

– Нишкни, дурак.

Шумилов задумался. Если этот загадочный долговязый, который скалится невпопад, и впрямь везет тайное письмо, то от кого и кому? Не любовное же – что за любовная переписка между Гаагой и Митавой? Про то, что любовные письма бывают, Шумилов знал из рукописных книжек, переведенных с польского. Это может быть что-то, связанное с крупной торговой сделкой, где речь идет об огромных деньжищах. Скажем, некий купец желает перехватить партию мачтового леса из-под носа у соперника. Но это может быть и послание герцогу о делах политических. Сейчас, когда вокруг Курляндии заваривается знатная каша, самое время слать письма в книжных переплетах.

Герцог Якоб умен и способен сделать свою Курляндию государством чуть ли не богаче самой Франции – тем более что во Франции присосался к казне кардинал Мазарини, а для короля, сказывали, холста на простыни жалеет, король на драных спит. Но в Европе после долгой войны установилось некое равновесие, нарушать его всем боязно, в мире бы хоть малость пожить. И вторжение Якоба в европейскую политику должно быть осторожным и благоразумным. Многое зависит от того, с кем и как он поладит, на чьей стороне окажется. Если Якоб Курляндский хочет дружбы с государем Алексеем Михайловичем так же, как хочет этой дружбы государь, то он становится в Европе посредником при торговле с Россией, и за одно это многие пожелают с ним приятельствовать. Но это – на поверхности; в глубине же могут таиться

более вредные желания, связанные с Россией...

Кто из мелких немецких князьков мог бы послать Якобу тайную грамоту? В которой, может статься, всего-то речь о сватовстве – старшей дочери герцога, Луизе-Елизавете, уже десять лет, самое время присматривать жениха. Да и пятилетняя Шарлотта, и трехлетняя Мария-Амалия уже невесты на европейском брачном рынке...

Но сватовство – мелочь, не мелочь другое – в придачу к войне с Польшей начинается война со Швецией, и эти войны ведутся в трех шагах от Митавы. Сейчас Якоб, хотя и числится вассалом польской короны, в сущности, союзник государя – а что, коли его вздумали переманить? Предложили нечто более значительное, чем может предложить государь? Да ту же полнейшую самостоятельность, без оглядки на Польшу! И отправили тайную грамоту не через послов, а совсем уж хитрым способом – через некоего юного графа, которого никто в передаче важных бумаг не заподозрит?

То есть некое государство, состоящее в дружестве со Швецией, желает вмешаться в игру. Франция?..

Польская-то королева Мария-Людовика – француженка знатного рода, и кардинал Мазарини сильно за Польшу держится, для чего-то она ему нужна. Иначе зачем бы эти непристойные брачные игры? Сперва в Париже дождалась, чтобы девица состарилась, чуть ли не тридцатипятилетней отдали ее за короля Владислава, от которого русскому царству было немало бед. Она, перебравшись в Варшаву, стала устраивать свой двор на французский лад – да и французов в свите привезла целое войско. А когда восемь лет назад Владислав изволил скончаться, ей бы постриг принять, в зрелых-то годах, а она нового мужа присмотрела. Паны выбрали своим королем Яна-Казимира, двоюродного брата покойника, и тут же эта Мария-Людовика с ним под венцом оказалась. Но Владислав, сказывали, ей большой воли не давал, а Ян-Казимир оказался послабее, и она им вертела как хотела.

А про дружбу французского двора со шведским Шумилов знал доподлинно.

Теперь же, когда Швеция, пользуясь войной между панам и русаками, задумала и себе порядочный кус Польши отщипнуть, кого поддержит хитрый итальянец, засевший в Париже и впавший в блуд, подумать страшно, с самой

французской королевой?

– Говоришь, старший? Над всеми? – уточнил Шумилов. – Молод – а старший?

– Сдается, так. Арсений Петрович, твоя милость! Ту книгу надобно добыть и растребушить!

– Нишкни! Тебе волю дай – ты все на свете растребушишь. А тут – только и гляди, как бы не оступиться...

Ивашка покивал – умом он все понимал, а душа просилась в бой.

Когда их, подьячего и простого толмача Посольского приказа, отрядили сопровождать обоз сокольников, оба немного растерялись. Как это – выехать из Москвы, тащиться невесть куда, заниматься невесть чем?

Однако уехать из Москвы обоим было бы полезно.

Ивашка, переводя отчеркнутые подьячим куски из французской газеты, замечтался, спохватился – стемнело. И он, сунув газету за пазуху, побежал домой – чтобы, поужинав, завершить работу и с утра пораньше принести в приказ. Поужинал – а перед рассветом у толмача схватило живот. Когда товарищи бойко бежали к приказному крыльцу, Ивашка лежал на боку скрючась и проклинал стряпуху Феклу, что принесла с торга тухлую зайчатину. Так и открылось, что он таскает работу домой, а это строжайше запрещалось, и нужды нет, что перевести следовало сущую околесицу для государева увеселения. Правила – они и есть правила. Ну как на дворе у толмача случится пожар и сгорит важная бумага? Ну как случится еще какая поруха? И хотя Ивашка был толмачом безотказным, в очередь с прочими ночевал в приказе, ошибок не допускал, но сейчас над его головой сгустились тучи.

Что касается Шумилова, то с ним была сущая беда – затосковал.

Если бы Арсений Петрович заявился в приказ пьяный до изумления, с воплями и пенем, забрался на стол и сплясал там вприсядку, радостные товарищи перекрестились бы с облегчением: слава те Господи, от сердца отлегло! Но он с каждым днем делался все мрачнее, а в свободные свои дни пропадал

на кладбище, у могилы жены. Казалось, сам он все глубже и глубже уходит в землю вслед за своей Аленой Перфильевной, умницей и скромницей, домовитой красавицей, которой Бог за что-то не дал здоровья и века. И близко он никого не подпускал с утешениями, так что родня от него отступилась.

Были бы детки постарше – можно было б их подослать к тятеньке, ухватились бы крошечными ручонками, заговорили бы на свой лад, глядишь, и оттаяло бы окаменевшее от тоски сердце. Но близнецам, рождение которых погубило мать, было чуть более года, они росли в доме деда, шумиловского тестя, где с ними нянчились, как и с царевичами в Верху не нянчатся. Сперва Арсений Петрович к ним хаживал, но всякий раз, как поглядит на своих крошек, еще мрачнее делался, словно не мог им простить, что погубили Алену. И в последние перед отъездом в Курляндию недели он вообще у тестя не показывался.

Это могло бы привести к ссоре, но вовремя подьячий получил явный приказ сопровождать сокольников, а также самого государя тайный приказ – разведать, что деется при герцогском дворе и в каком положении оба порта, Либавский и Виндавский, а также – какие суда строят на Гольдингенской и Виндавской верфях, для какой надобности, по чьему заказу и в каком количестве. Ибо герцог может много чего написать, бумага все стерпит, а вот своими глазами увидеть – полезнее всего.

Было, кстати, еще одно поручение – попытаться завербовать несколько моряков, служивших на военных судах. И на сей предмет Шумилов получил достаточные средства.

– Позови Петруху, Ивашка, – сказал он.

Беда была в том, что по-немецки разумели только эти двое, хотя немецкий язык у них различался: Петруха, как выяснилось, говорил на голштинский лад, а Ивашка в Немецкой слободе намастачился объясняться с пруссаками и саксонцами. При этом Петруха понимал аглицкую речь, которая для природного русака хуже китайской грамоты, и умел даже отвечать англичанам так, что они оставались довольны, а Ивашка переводил со шведского и пробовал уже на нем говорить.

Обращаться к Петрухе Ивашка не хотел. И Шумилову пришлось дважды повторить приказание.

Выйдя в горницу, Ивашка нашел там Ильича и хмуро осведомился насчет Петрухи – подьячий-де кличет.

– Опять? – спросил догадливый Ильич.

– Да виноват я, что ли, что он на коне сидит, как собака на заборе?!

– Врать-то зачем? Как может, так и сидит, его бахмат с себя еще ни разу не стряхнул, а вот иные сидят щегольно, да в крапиву при мне летали...

Сделав такое нравоучение, Ильич отложил молитвослов и пошел за Петрухой. Архангелогородский житель ему нравился – не суесловил, уважение показывал, хотя норов имел – не приведи Господь, этот упрямый норов опытный Ильич сразу распознал.

Петруха был найден в обществе молодого лодочника Яна. Они сидели на травке, глядели на реку, беседовали и прекрасно понимали друг друга: для лодочника, местного жителя, немецкий также не был родным, поэтому он, как и Петруха, говорил не очень бойко, без сложных оборотов, и помогал себе руками.

Увидев в окошко, что Петруха приближается, Ивашка пошел к Шумилову и доложил, что товарища доставил. Минуту спустя этот товарищ вошел и безмолвно встал у дверного косяка.

– Что такое? – спросил Шумилов, глядя на Петруху Васильева и на Ивашку. – Опять чего не поделили?

Ответа не было. Они не ссорились, а просто каждый глядел в свою сторону, делая вид, будто другого на свете не существует.

– Ивашка! – Шумилов решил все ж провести розыск. – Твои проказы?

– А что я? Я с ним по-божески! А он на каждое слово – три своих, а сам потом и обижается!

- Стало быть, ты, Петруха!

Васильев покосился на подьячего и промолчал.

- Беда мне с вами, - подвел итог Шумилов. - Слушайте. За тем обозом, который вам повстречался, надо бы присмотреть хорошенько, послушать, о чем толкуют. Там у старшего на поясе кожаный мешок с книгой. Коли вдруг так получится, что мешок останется без пригляда, так взять и принести мне. Переоденьтесь, купите здешнее платье, я заплачу.

- Так это ж надо сделать скрытно, - сказал Ивашка.

- А для чего вы здесь приятелей завели? У них и купите. Они же еще рады будут, что ношеное с рук сбыли за хорошие деньги.

Тут Петруха вдруг улыбнулся.

Ивашка эту улыбку заметил и понял. Лодочник был с Петрухой примерно одного роста, его кафтанишко со штанами ни расставлять, ни ушивать не пришлось бы. А здоровенный кузнец был и в брюхе гораздо шире, и ростом выше, чем Ивашка.

- А коли обувь будет не впору? - спросил он.

- Всеу вас надобно учить. Пусть они же добудут вам подходящую обувь. Им за то и деньги будут плочены. Ступайте - и чтоб больше я про ваши склоки не слышал. Поняли?

- Поняли, - вразной ответили склочники.

Они вышли, а Шумилов остался в светелке. Его и солнечный день не радовал. Хотя в такую погоду прогуляться по берегу, посмотреть на рыболовов и лодочников - любезное дело. Шумилову казалось, будто сам Господь назло ему вместо пасмурных дней, удобных для сидения в комнатах, посылает солнечные, и оттого мир Божий вокруг представлялся враждебным - да и что это был за мир без единственной родной души?..

Разжившись серыми холщовыми кафтанишками, довольно короткими, такими же портами, а вместо сапог или башмаков – кожаными поршнями, которые обувают поверх онучей, опоясавшись длинными ткаными кушаками с бело-красным узором, нахлобучив здешние шапки, Ивашка с Петрухой подобрали на берегу тухлявое бревно, взвалили его на плечи, для чего пришлось-таки обменяться словами, и поволокли к корчме, где остановился загадочный обоз, с намерением свалить его там и присесть на нем – словно бы отдохнуть, а на деле – осмотреться и, возможно, завести с кем-нибудь разговор.

Возле корчмы было достаточно места, чтобы у длинной коновязи стояло три десятка лошадей, а в длинном сарае, который был под одной с нею крышей, можно было держать и телеги, и сани, и те грузы, что везли путешественники. Митавская корчма была лучше либавской – хороших постояльцев помещали в соседнем с ней доме, там же был садик, где они могли сидеть в хорошую погоду, избавленные от общества добрых митавцев, пьющих пиво летом перед самой корчмой, а осенью, зимой и весной – внутри. Убрана она была достойно, и даже сделал хозяин попытку ее украсить – подвесил к потолку модные в здешних краях украшения из длинных прочных соломин, выдутых яиц и куриных перьев, связанных пучками. Умельцы могли сооружать многоярусные хрупкие украшения в полтора аршина высотой и мастерили их обычно к Рождеству.

Ивашка с Петрухой чуть было снова не сцепились из-за важного решения: идти ли им к корчме, чтобы завести разговоры со служителями и теми шестью молодыми парнями, которых привез в Митаву граф, или же околачиваться у домика в надежде услышать что-то путное от самого графа, его дядьки, седого мужчины, одетого на моряцкий лад, или же молодого и пузатого, который с седым толковал по-шведски.

Ивашка был за то, чтобы идти к корчме, и чудом убедил Петруху – в самом деле, двух дураков с бревном от богатых постояльцев погонят прочь, а в корчме всякому пьющему человеку рады.

Но как раз у выставленных на улицу столов ждала их большая неприятность.

Они не сообразили, что проданная лодочником старая одежонка имела одну особенность: горожане такой не носили. Митавский немец не стал бы опоясываться тканым красно-белым поясом да и холщовых кафтанцев не носил. Лодочник, видать, плохо понял, чего от него хотят, и принес вещи, завалывшиеся

в материнском сундуке; может, дедово наследство.

Корчмарь погнал их прочь, крича, что им среди приличной публики не место. Бревно уже лежало на траве – это склочников и погубило, руки у них были свободны. Драка началась не сразу – сперва Петруха шепотом по-русски назвал Ивашку дурнем полоротым и дубиной стоеросовой. Ивашка, пятась от корчмаря, по-немецки окрестил товарища ублюдком, олухом и дерьмом. Дальше случилось недоразумение – зная, что корчмарь слышит, Ивашка хотел сообщить Петрухе, что он каркает, как ворон черный, вот и накаркал беду. Слово «черный» – то бишь «шварц» – было ему, разумеется, известно, а вот «ворона» он сразу не вспомнил. Петрухе же в Ивашкином шипе послышалось хорошо ему знакомое по архангельским приключениям с драчливыми голштинскими моряками слово «шванц», вовсе непристойное.

Стоило им оказаться за углом, пошли в ход кулаки.

Ивашка даже обрадовался, что наконец может потешить душеньку. Он бился по-московски, это его и подвело – одно дело ударить противника твердым и острым носком сапога, а другое – пальцами, прикрытыми только толстой, но гибкой кожей поршней. Прока от удара не было почти никакого, а итог – Ивашка потратил на него драгоценный миг, и именно этим мигом воспользовался Петруха, которого удар не опрокинул наземь. Ивашка получил мощную затрещину. Падая, он услышал визг.

Так вышло, что он рухнул прямо к ногам двух молодых баб, одетых, как он верно догадался, на монашеский лад.

Он снизу вверх уставился на них, а они – на него.

И по их лицам Ивашка понял, что узнан.

Он был ловок – вскочил сразу и кинулся наутек. Петруха побежал следом.

Поручение Шумилова было загублено навеки.

Остановились драчуны на речном берегу, напротив герцогского замка, который сейчас перестраивали заново. Им уже даже друг на дружку смотреть

не хотелось. Ивашка, обычно уверенный в своей невинности, на сей раз понимал, что – оба хороши. Не сговариваясь, они побрели вверх по течению. И так же, не сговариваясь, четверть часа спустя, вдруг закричали друг дружке:

– Глянь, глянь!

На том берегу замер всадник, одетый на русский лад – в красном нарядном кафтане, в желтых сапожках, в щегольски сбитой набекрень бирюзовой шапке с отворотами, при сабле. Даже издали было видно, что седельце у него легкое и удобное, настоящий арчак, с красной подушкой на лебяжьем пуху, а не здешние жуткие седла, сохранившиеся, должно быть, с древних рыцарских времен. Всадник из-под руки разглядывал дома под черепичными крышами и сады Митавы.

Соколиный обоз наконец-то дотащился до столицы Курляндского герцогства.

Глава шестая

Шатры сокольников, стрельцов и князя Тюфякина были разбиты выше по течению, чем герцогский замок на острове, чуть ли не в версте от него, и немного не доходя до берега протоки – хотя в летнюю жару протока и обмелела, но береженого Бог бережет. Место было неплохое, но немного смущала близость леса – лес подступал к Митаве и к реке почти вплотную. Поэтому Шумилов распорядился охранять шатры и на скорую руку сколоченные навесы для коней едва ли не так, как вооруженные стрельцы берегут Кремль, – с оружием и с перекличкой.

Сильно удивлялись добрые митавцы, слыша ночью протяжные и загадочные голоса:

– Славен город Москва-а-а!.. Славен город Каза-а-ань!.. Славен город Кострома-а-а...

Ивашка с того самого дня, как приехали сокольники, по велению Шумилова проверял дозоры и чуть что – грозился царским гневом. Лето, жара, река манит –

окунись на минутку! А пока плещешься – злоумышленник тут как тут.

– Не знаете вы, каково в такую жару в приказе сидеть, потом обливаться! – сказал он приятелю своему, сокольнику Трифону, с которым состоял в каком-то запутанном родстве. – Вам-то хорошо, выезжаете с государем, а мы-то в Москве сидим безвылазно. Вас-то государь всех в лицо знает и жалует...

Трифон усмехнулся – сокольники были царскими любимцами, но им же и влетало по первое число, если приключалась хоть малейшая беда с драгоценными птицами. А если кого застанут при птицах пьяным – счастье, коли батогамы отделается. Сам Трифон состоял при кречетах с молодых ногтей, и отец его, и дед были при ловчих птицах, ему сам Бог велел – да и очень редко брали в сокольники людей со стороны. А отец еще дал сынку правильное имя – человека по имени Трифон государь приметит и будет к нему благосклонен.

Лет сто назад, коли не более, был у государя Ивана Васильевича любимый белый кречет – и во время охоты, спущенный на цаплю, пропал. Сперва царь не волновался – хороший кречет может и шесть верст преследовать добычу, повторяя ставки столько, сколько потребуется. Но нет любимца и нет – царь разгневался, послал на поиски сокольника Трифона Патрикеева. Два дня ездил Патрикеев подмосковными лесами, безуспешно свистя, дуя в вабик и размахивая вабилом – двумя сшитыми вместе голубиными крыльями на длинном шнуре. Но сколько ни крутил он над головой этот несложный снаряд-приманку, кречет не появлялся и не откликался, ниоткуда не доносился звон серебряных колокольцев, подвешенных к его хвосту. На третий день стало ясно – стряслась беда. Патрикеев сошел с коня, встал на колени и принялся молиться своему святому – мученику Трифону. И, помолясь, неожиданно для себя уснул.

Во сне ему явился юноша на белом коне, державший на руке царского кречета – эту крупную, белую в мелких черных крапинах птицу сокольник узнал сразу, и дивно было, что кречет сидит на голой руке, не изодрав ее длинными когтями. Юноша произнес: «Возьми пропавшую птицу, поезжай с Богом к царю и ни о чем не печалься».

Вдруг проснувшись, Патрикеев поднял голову – и увидел неподалеку на сосне пропавшего кречета. Он тут же сманил птицу вниз, отвез к царю и рассказал о чудесной помощи, полученной им от святого мученика Трифона. Иван Васильевич умилился и дозволил Патрикееву поставить на том месте, где было явление святого, часовню во славу святого. Потом там и храм Божий построили.

Вокруг храма выросло село Напрудное. А святого Трифона с того времени сокольники почитали своим покровителем и в беде всегда его призывали.

Ивашкиного приятеля и в бумагах-то именовали Тришкой, а с глазу на глаз – так тем более они обращались друг к другу попросту, как привыкли с детства.

– Пройдем отсюда к берегу и берегом – с той стороны вернемся, – предложил Тришка. – Да что ты паришься в зипуне и в сапогах? Разуйся, сложи свое добро у меня в шалаше. Не венчаться, чай, идешь. Да и не доживу я до твоего венчанья.

Сам он был в одной желтой рубахе, подпоясанной красным кушаком, в закатанных по колено лазоревых портах и босой.

– И точно, что не доживешь, – согласился Ивашка. – Кому я, сирота, нужен...

Он с большой охотой разделся и занес зипун с сапогами в шатер под присмотр дремавшего там начального сокольника Федора Игнатьева. Там он задумался – как быть с саблей?

Когда Ивашку отрядили сопровождать Шумилова, ему для пущей важности выдали эту старую и тупую саблю. Он таскал ее на боку сперва с гордостью, потом с тихой ненавистью – проку от нее не предвиделось, прок мог быть от турецкого кинжала, с которым он в Курляндии не расставался, или от пистолети. Чтобы рубиться на саблях – учиться надобно, Ивашку же учили совсем иным делам. Однако Шумилов требовал достойного вида – и Ивашка решил, что босиком и при сабле – получится именно тот вид, который требуется начальству. А если Арсений Петрович вздумает возразить, то уж найдется, что ответить.

Он вышел из шатра беспредельно радостный – разве ж не счастье ощутить босыми ногами шелковую траву? И Тришка, увидев его, так зареготал – аж с подвизгиваньем, с потрясанием кулаками и затем – с нарочитым хватанием за пузо, едва не треснувшее. Сам он был вооружен плетью, заткнутой за пояс. В умелых руках плетель творит чудеса – а Тришка был опытный охотник и наездник, как все сокольники, и этим оружием владел отменно.

В дозоре стояли по двое самые младшие по чину – сокольничьи поддатни, а также стрельцы из тех, что сопровождали обоз с драгоценными подарками. Стрельцы из упрямства не сняли кафтанов, а поддатни, молодые парни, были в одних рубахах и тоже босые. Они маялись бездельем и гоняли здешних мальчишек нездешним словом. Мальчишки не унимались, снова и снова пытались проползти к загадочным шатрам. Кое-кто уже получил плетью по заду.

Убедившись, что никто не удрал к реке купаться, Ивашка с Тришкой пошли к прибрежным кустам. На берегу тоже было место, где стоял, а вернее сказать, сидел караул, – лодочный причал, у которого привязаны три лодки. Любезное дело – сидя в лодке, озирая соколиным взором окрестности. Или же любоваться рекой, замирающими в воздухе стрекозами, проплывающими утками и гусями, играющей рыбой. Река всегда найдет, чем глаз повеселить.

– Стой... – прошептал Тришка и вдруг опустился на корточки. – Да что ты торчишь, как хрен на насесте!..

Ивашка рухнул чуть ли не на четвереньки.

– Слышишь?

– Да...

Кто-то пробирался кустами вдоль берега, негромко выкликая слова на неизвестном языке. Голос был сиплый, на семи ветрах охрипший, прокуренный и пропитый, по одному лишь этому голосу можно было признать бывалого моряка, статочно – даже боцмана, которому в бурю частенько приходилось орать во всю глотку.

– Кто бы это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/plescheeva_dar-ya/kurlyandskiy-bes

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)